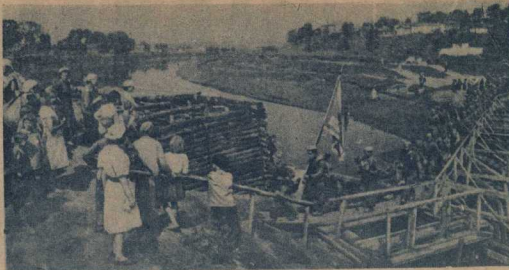

СМЕША

15-16
АВГУСТ
1943

→
Более трёх веков стоит город Орёл. Но не было за всю историю существования Орла периода более страшного, чем двадцать два месяца немецкой оккупации. И не было для него более светлого и радостного дня, чем 5 августа 1943 года—дня освобождения Орла от немецких захватчиков.

Ещё слышим была глухие раскаты удалявшейся канонады, ещё дымилась развалины въезжавших и выходящих немцами зданий, а на улицах уже шарило ликование. Оставшиеся в живых жители Орла вышли встречать дорогих освободителей. В честь Красной Армии неслись восторженные возгласы и приветствия.

Привет вам, доблестные бойцы Орловских дивизий! Привет всем жителям и счастьем истерзанному городу!

← Орудийный салют — программа традиция русской военной славы. Торжественными пушечными выстрелами Чествовали знамя преслед ополченцев князя Игоревича, вождя Петра I, победоносные князи Суворова и Кутузова.

О южной стороне возмозражались эти традиции в память дни. Орудийными выстрелами салютуют солдаты нашей родины Москва доблестным советским войскам, освободившим родную землю. 5 августа, в 24 часа, двенадцать выстрелов из ста орудий орудий Москва приветствовала победителей Орла и Белгорода.

→ Так выглядел зал Большого драматического театра в городе Иванове 12 и 13 августа. Все места заполнила молодежь. У многих юношей и девушек на груди красуются ордена.

В эти дни здесь проходил первый областной съезд молодых рабочих. Собралось свыше 1500 делегатов. Они рассказали о том, как трудом своим помогают Красной Армии в её победоносном наступлении.

Делегаты съезда призвали всю молодежь области трудиться во имя победы ещё лучше, ещё больше.

↑ «Кубок Москвы» по футболу достался в этом году команде мастеров спортивного общества «Торпедо». Этот результат всех многочисленных встреч футболистов Москвы определился 8 августа после финального матча «Торпедо» — ЦДКА.

Матч прошёл очень интересно. Оба тайма закончились ничейно со счётом 4:4. Только во время дополнительного 30 минут один из лучших игроков команды «Торпедо», Б. Жарков, сумел забить два мяча в ворота ЦДКА и этим принес своей команде заслуженную победу.

← Ровно год тому назад на П-ском заводе была организована комсомольско-молодёжная бригада по главе с молодым рабочим Николаем Соколовым. Надёжно отменяла летнюю годовщину своего существования. Она беспрерывно увеличивает производство. На достижение в соревнованиях молодых рабочих бригады Николая Соколова (на снимке бригадир — второй справа) пять раз получала почётные грамоты ЦК ВЛКСМ.

→ У специализации что им дело, то новые успехи, новые рекорды. Особенно оживляются соревнования. Далеко не лучшим результатом считался рекорд замковой класки утюжильной маршачкиной Советской Пило, — 2300 паричей в часе! А теперь уже его перепрыгнула утюжильница Воронежской области Нина Тельмина. Вышившая по Тельме Хлопчат комсом неимоверно уложив на счету 14 тысяч паричей.

Молодые рабочие, совершенствующие город нашей славы соревнуются, подымая производительность труда, во время отдают напряжённый работы.

↑ Как большое и радостное событие воспринята была молодежь выход в свет третьего издания книги товарища Соколова «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Миллионы молодых людей, вышедшие за рубежом научились этой книге.

Взялись в парашютный взнос, где парашютист ЦК ВЛКСМ тов. Масленников, Пётр Урюбин, Юльковский: Тамара Тавылова, Мария Гомельская, Борис Чекалин, Антонова Иванова и Виктор Трудин (слова выкрикнул) — получают заслуженно по книге товарища Соколов у заслуженного заслуженного П. Павловской.

Сюда С. Александров, С. Алексеев, Ф. Караченев, Н. Семёнов, В. Мискин, Е. Никитин.

Год издания XX.

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

Издательство „Правда“

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ № 269. М. Матросов — «НЕ БЫВАЕМОЕ БЫВАЕТ» (повесть). Ю. Федорович — ПИСЬМА ИЗ СТАВРОПОЛЯ (письмо третья). И. Рыленков — ЮНОСТЬ (стихи). З. Фирсов — ФИНЫ ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ. Н. Бердягов — «МНЕ СНИТСЯ ПОЛДЕНЬ ДЕРЕВЕНЬ». В. Сосюра — В КИЕВЕ. Н. Паштик — В ГОСПИТАЛЕ. Я. Сашин — «ПО

УЛИЦЕ ТЯНУЛИ ТАНК НЕМЕЦКИЙ» (стихи). Н. Чуковский — ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ (продолжение романа). Я. Хадип и А. Кривцики — ГВАРДЕЙСКАЯ ПАФФИЛОВСКАЯ (фотоочерк). И. Брагини — ЛЕТУЧИЙ БРАТ. Евг. Федоров — ОТЕЦ СТАЛЬНЫХ ПУШЕК. Л. Брандат — ДВА МАСТЕРА. Л. Ленч — В ТРЕХ ТОЛСТЫХ (маленький фельетон). РУССКАЯ НА-

РОДНАЯ ПЕСНЯ «ТРОЙКА». Библиография: Л. Успенский — КНИГА, КОТОРАЯ ПАХНЕТ ПОРОХОМ.

На 1-й стр. обложки — фотомонтаж А. Житомского «ПОД ОРЛОМ». На 2-й стр. обложки — «СМЕНА» РАССКАЗЫВАЕТ. На 3-й стр. обложки — НА ВОЙНЕ 88 ЛЕТ НАЗАД. ОБ ЭТОМ СТОИТ ЗНАТЬ. КРОССВОРД. На 4-й стр. обложки — Н. Марковин: СУВОРОВ — ЧЕЛОВЕК.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

8 сентября 1943 г.

№ 269.

г. Москва.

23 февраля 1943 года гвардии рядовой 254 Гвардейского стрелкового полка 56 Гвардейской стрелковой дивизии Александр Матвеевич **Матросов**, в решающую минуту боя с немецко-фашистскими захватчиками за дер. **Чернушки**, прорвавшись к вражескому ДЗОТу, закрыл своим телом амбразуру, пожертвовав собой и тем обеспечил успех наступающего подразделения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 г. гвардии рядовому тов. **Матросову** посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Великий подвиг товарища **Матросова** должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича **Матросова** приказываю:

1. 254 Гвардейскому стрелковому полку 56 Гвардейской стрелковой дивизии присвоить наименование:

«254 Гвардейский стрелковый полк имени Александра **Матросова**».

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича **Матросова** зачислить навечно в списки 1-й роты 254 Гвардейского полка имени Александра **Матросова**.

Народный Комиссар Обороны
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

В столовой солдаты так увлеклись свежезамороженными маленькими собачьими тушками, что как будто вовсе забыли о подростке, пригнувшемся у выходящего в сад окна.

А Кахоковский сазово лёгкую гардину вывел, как по липовой аллее пробежал оборванный солдат и как сестероно приподнялся поганное оранжерейное окошко. А через минуту вошел за солдатом, пригнувшись к узальной трубе, приглядывая широколицу к перенутному шпунте фигура. Потом до петрунного звука доносился приглушенный вопль и тяжёлый смех воды.

Кахоковский всё понял, но продолжал стоять в той же невозмутимо спокойной позе со скрепящими на груди худыми руками.

— О дя-ля! — радостно заорал баваар, рывшись в большом дубовом буфете, украшенном вырезанными по дереву дикими утками и рябками. Он победительно поволил над гололобой бутылку с узким высоким горлышком. Сказав же толстое стекло темнела густая, как сироп, наливка с плавающими в ней разбухшими вишнями.

— Скорей жарить своего калачул! — крикнул баваар. — а вылипка наливо.

— Смотри, только не вылейди её, пока мы будем вояться на кухне, — ответила салата. Узкою струялка, они оставили сады сынок оранжерейных наливки на высокой, оббитой паровым кретомом спинке вольтерского кресла и на светлых тишеющих обоях.

Как только они увиделись, баваар горлопало обступил самотушу пробку. Но при попытке вытиснуть пробку зубами он обломал её, оставив большую часть глубоко ушедшей в узкое горлышко.

Несподовно появившись по карманам и в ящиках бифора, и не найдя там титонора, баваар вдруг требовательно обратился к Кахоковскому:

Появля обложка руками бутылки, Кахоковский изо всех сил ударил её по режеей колоде бавааря.

— Эй, мальчишка, ну-ка проткни пробку. Пальцы у тебя ступ, как гвозди. Я вот бы, конечно, отбить это дурацкое горло, но мнеется риск прогнать налиток. — и он сузуд бутылку в холодные петные руки: — Ну же, пошевельвайся...

Скиснув зубы, Кахоковский вертел в пальцах бутылку. Его лоб пересекла морщина напряжённой мысли.

— Что же ты? — рявкнул баваар.

Петруша с усилием толкну указательный палец в бутылочное горло. Пробка слегка передвинулась вниз.

Солдат рванул бутылку, но петруши палец застрял в ней и только хрустнул в суставе.

Баваар побарабанил:

— Убери палец, или я раскрошу его вместе с этой пробкой похулядой.

Кахоковский зажал бутылку в коленях и изо всей силы дёрнул палец. Он поспирал, но остался непоколебим.

Солдат сваянул юбочку за плеча и бешено заорал:

— Ты что же, болван, так и булешь хорт с этим украшением на пальце. Отвечай, чорт тебя водери!

— Нет! — не разжимая стиснутых зубов, ответил Кахоковский, — и придумал способ отгрызть бутылку.

— Говора же, каким образом! — нетерпеливо выорал солдат.

— А вот так! — и, высоко подняв обими руками бутылку, Кахоковский изо всех сил ударил ею по рыжей колоде бавааря. Тот ахнул и повалился на пол. Струйки густой наливки смешивались с хлынувшей из пробочного черева кровью. Солнце выпило градом рассматилось по столовой. Несколько из них упали на белую шкурку Фидельки и алены на ней, как латая се кров.

Кахоковский рванул руку, пересекая через полочковик и вытерпелся к оранжерее. Подождав в потайном входе, он даждки коротко свистнул и нетерпимо прокричал:

— «Небываемое...»

— «бывает» — послышался ответный пароль.

Письма из Ставрополя

Ю. Филонович

3. ЦЕНА ЖИЗНИ

Это было первое собрание комсомольского актива после освобождения города. Поэтому в горкоме все очень волновались.

— А ведь в последний раз мы собирались здесь перед самым приходом немцев, — вспоминала Валя, когда мы пришли в тесную комнатуку по соседству со сценой. — Большие полугода прошло. Немного как будто, но кажется, всё это было давно, давно.

— Не знаю, как для тебя, — сказала Николай, секретарь горкома, — для меня эти месяцы не прошли — пролетали.

— Это оттого, что ты была в партизанском отряде. Но для нас здесь каждый день казался вечностью, особенно сначала, когда мы ещё ничего не делали, а только озирались по сторонам.

— Я ходила по городу, и были минуты, когда мне вдруг чудилось, что всё по-старому. Но вот из-за угла появлялся немецкий солдат, и я приходила в себя: нет, мой город занят врагом.

Вот здесь, возле этого ещё с детства знакомого дома, тебя могут схватить, узнать на вокзал разгружать шпешком, могут убить...

— Как же дальше жить? — спрашивала меня поурта. — Нами, конечно, вернут, но когда? Что делать?

А я и сама ещё не знала в ту пору, что делать, и много и часто об этом думала.

Мне было ясно: немцы хитрят, прикидываются великими и на время прячут свои чёрные дела.

Вот так и жила мы, как ленинки. Поверите, это очень страшно — хорошо сознавать, что никакой закон тебя не охраняет, никаких прав у тебя нет, и ложаешься вечером, не зная, что с тобой будет завтра.

Однажды мы смотрели в кино «Музыкальную историю». Это была, конечно, политическая немеш: их картины никто смотреть не хо-

Народу пришло много, и демонстрировали на этот раз действительно «Музыкальную историю». Мы увидели наш Ленинград, наши театры, наших людей, услышали Лемзешеву... Ах, как он пол тогда! Нам захотелось хлпать и кричать от радости. Но мы молчали, потому что тут же сидели и немцы. И всё же я не могла сдержать себя: мне стало так горько, что я заплакала, тихо, чтобы не слышали немцы. Девушки рядом тоже плакали и тоже тихо.

Когда оканчивался сеанс, будто сон чудесный оборвался. Все молча разошлись. Сколько в тот вечер было разговоров и воспоминаний о прежней жизни! Ведь в картине мы увидели только кусочек её, но какой сверхъестественной и радостной предстала перед нами эта жизнь!

И тогда мы решили: нельзя сидеть сложа руки. Неужели мы умели только хорошей жизнью пользоваться? А бороться за неё? В один из ближайших вечеров ко мне пришли девушки, и вместе с нами собой полуулыбаясь, что мы договорились написать листовку и расклеить её на стенах домов.

Было трудно. Ведь мы никогда раньше не писали листовок.

Первые листовки мы написали в ответ на массовые казни, которые немцы скрытно совершали на Холодном роднике. Полицией быстро замечали листовки и сорвали их. Мы не ложились всё ночь и написали новые. Но теперь мы их забросали по дво-

В № 13—14 мы напечатали два первых письма из Ставрополя.

Чувствуя непрочность своего положения на Северном Кавказе, немцы всячески старались обмануть нашу молодёжь; для этого были пушены в ход все средства из лживой пропаганды.

О коварстве врага говорилось в первом письме.

Мы смогли немцам ничего ни запугать, ни обмануть. Молодёжь немедля их и активно боролась, помогая Красной Армии. Действуя в глубоком подполье, сражаясь в партизанских отрядах, отважные юноши и девушки не жалели ни сил, ни жизни своей во имя победы над врагом. Никогда не забудем мы светлых имён молодых героев, павших смертью хрыбрых в этой борьбе.

Одной из них, комсомолке-партизанке Анне Шилной, было посвящено второе письмо.

дня — вот они и пустились на хитрость. В газете и в афишах объявляли, что будет демонстрироваться русский фильм. Мы так захотели увидеть картину, что решились пойти в кино, но при этом уславнили: если немцы обманут, встанем и уйдём, пусть что хотят делают с нами.

ры, в дома. Потом мы стали выпускать авиастопки по поводу каждого мероприятия немцев, разбавочая их обман. А затем, когда к нам присоединились Пётр и Николай, мы начали портить немецкие машины, убивать офицера... Ну, да это мы всё знаете. Пусть лучше Николай расскажет, как он со своей группой по тылам у немцев ходил.

— Сколько можно рассказывать об одном и том же? — рассердился секретарь горкома и потрогал орден Красного знамени на гимнастёрке.

Орден им покачивали надихи и часто, незаметно даже для самого себя, во время разговора дотрагивались до него рукой.

— Ты вот хорошо сказала о нашей жизни до немцев. Когда мы выросли, мы эту жизнь получали готовой, потому и не то чтобы не ценили, но не замечали многого такого, что прежде считали в порядке вещей. Ты это здесь, в городе, помняла, а я на партизанских тропинках настоящую цену жизни узнал. Приходилось нам порой взрывать, поджигать и ломать то, что создано нашими же руками. Тяжело это и очень обидно.

Молчавшая до сих пор Женя сказала:

— Никого представить себе не могла, как ты, Николай, полёшь где-то ночью, взрывая мост.

— А ты думаешь, я представляла себе когда-нибудь с трофейным автоматом на крике? — в тон ей ответила Николай. — За эти полгода мы будто на десять лет старше стали. И ты, и я, и Валя, и другие. Довелось нам врага видеть не в кино, не на пакете — живого, лицом к лицу. Бориса Родионова поминешь?

— Кто этот Борис? — поинтересовалась я, единственный из присутствующих не знавший, о ком идёт речь.

— Был у нас один парень, учёный такой. Ещё когда в школе учился, так всё в одиночку держался. Ничего, кроме науки, не признавал. Зарелась в книги — и не подходил к нему. Ребята его почему-то «халкиком» прозвали. Он ещё марки алмаза, ботаникуе комлекцию собрал. Война разразилась, когда он медицинский институт кончал. Получил диплом с отличием и уехал в село работать.

Когда немцы пришли, они предложили ему работу в госпитале. Борис отказался.

Он продавал вещи, потом марки — не все, в только дублякаты, — но жил плохо и голодал. Зимой к нему зашёл немецкий офицер. Он был очень вежлив, курил несколько марок и рассказывал о своей, тоже очень боль-

шой коллекции, которая осталась в Мюнхене. Борис не устоял и показал ему свое богатство. На другой день офицер пришёл с солдатами и забрал все альбомы и каталоги Бориса.

Сколько Борис узнал, что почти все профессора и преподаватели института, в котором он учился, расстреляны и отравлены в «дубасерии» на квартире, принадлежавшей по лухмерти изданной пальтине... Короче говоря, когда немцы побежали, Борис подобрал винтовку и, почти не умея с ней обращаться, стал стрелять им вслед. В тот день в село

Здесь были немцы

Под ударами Красной Армии немцы бежали с Северного Кавказа, оставив после себя руины и пепелища, подбитые орудия и танки.

Над освобождённым Моздоком плывёт на ветру красное полотнище — знак возрождения жизни.

вошли части Красной Армии и наш отряд. Тут я и встретился с Борисом.

Он едва успел мне рассказать всё это, упрелся майора взять его в часть и в тот же вечер ушёл вместе с бойцами.

Вчера пришло письмо от Бориса.

«Здравствуй, Николай! Мы так быстро расстаемся с тобой, что я не успев тебе о многом рассказать. Не успею и сейчас, потому что едва урвал свободную минуточку. Мы двигаемся вперёд, преследуя отступающего врага. Я бодритесь рад, Коля, что шабё, наконец, в этой борьбе своё место, достоинство честного человека. Жалею только, что так непросто долго сидеть в стороне. И дума: война — это бедствие, господство грубой силы. И был сапп и гаук и по создава, что и в долгу у роины. Теперь я знаю, что нет ничего благороднее нашей войны.

Я работаю по специальности, но этого мне мало. Хочу стать настоящим бойцом. Учиться стрелять. Старший лейтенант Соколов говорит, что из меня выйдет неплохой стрелок. Передая привет товарищам. Пусть не думают обо мне плохо.

Крепко жму руку, Борис».

Николай помолчал, улыбнулся к женщине, дописавшему из зала (там уже собралась комсомольцы), и заговорил опять.

— Прав Борис. Мы в долгу у роины. Саминте, как ребята повт? А ведь они сегодня весь день на холоде были, голыми руками доставали из-под кирпичной машины. Был я сегодня на электростанции. Собирают там комсомольцы удешевшие детали, монтируют дизель. По двести смены работают. С ног валится от усталости — не уходит.

— А я в ремесленном училище слышала интересней разговор, — вставила Валя. — Разбирают два пареня кучу камней на том месте, где исторически их было. И один говорит другому: «Может, зря мы тут стараемся? Вдруг опять олень придет, снова всё вернёт и сжарит». А второй ему так серьёзно отвечает: «А ты меньше болтай. Работай, тогда и немцы не придут».

— Товарищи, пора начинать! — крикнули из-за двери.

Когда Николай вышел на сцену, он увидел при свете керосиновых ламп зал, запаненный дотказа. Многие комсомольцы, но найдя места, стояли в проходах. Были здесь люди, которые пришли на собрание прямо с восстановительных работ, в испачканных известью и кирпичом теогорейках.

— Товарищи! — начал Николай, но слова его потонули в грохоте аплодисментов.

— Вот как они тебе впадают, — сказала Женя.

Николай посмотрел в её сторону и ответил тихо:

— Не мне это. Всем нам...

ЮНОСТЬ

Н. Рыленков

Всем земным законам повиновись,
Мы живём в землянке фронтовой
И всё чаще вспоминаем юность,
Слыша носаять пуз над головой.
Что такое юность? Это ранний,
Пробуший голос соловья,
Это время первых обещаний,
Первой клаты родные своей!

Что такое юность? Это зори,
Что всю ночь не меркнут за рекой,
Это — небо синее в узоре
Звезд, напичканных девичьей рукой.

Что такое юность? Это грохот,
В травах прогоревшая для луны,
Это — сердце, бьющееся робко,
Страсть, ещё не названная вслух.

Песни, лишь предустановленной, зную,
Что капелью падают с ветвей!
Нам, вдовивши встречи и разлуки,
Как не вспомнить юности своей!

РАССКАЗЫ О ВЫНОСЛИВОСТИ ФИННЫ ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ

Майор медицинской службы
З. ФИРСОВ

Комсомолец Александр Попов увлекся до войны лыжным спортом. На переносе Архангельска, где Попов учился в фабрично-заводском училище, он пробежал на лыжах 10 километров за 41 минуту. В этом соревновании он занял первое место и получил по разряду юниорской звание чемпиона города.

Не раз бывал Попов победителем и в спортивных состязаниях, когда проходил военную службу в Севастополе.

В начале войны же Попов как отличный лыжник добровольно отправился в один из отрядов морской пехоты, действовавший на Карельском фронте.

Сюда он пришёл хорошо тренированным лыжником. Его назначили командиром отделения разведывательной роты. Начал службу он с того, что всю разведку обучал спортивной ходьбе на лыжах. Занимался под руководством Попова, разведчик отличные переходы по самым непроходимым местам.

Командир части дал задание Попову проинспектировать с отрядом лыжников в тыл врага, разведать местность, собрать сведения.

Попов двинулся со лыжниками в лесок. Несколько дней им пришлось действовать на территории врага. Когда отряд, раздобыв важные документы, возвращался в свою часть, высаленный вперёд разведчик обнаружил взвод финских стрелков. Принять бой на открытом месте было рискованно, тем более что противник был вчетверо сильнее.

Попов решил пробраться в укрытое место, занять его и там организовать атаку врага. Но финны, уже заметившие отряд, во что бы то ни стало хотели настичь наших лыжников на равнине и тут разбить их. Вот когда понадобилась отличная спортивная подготовка наших лыжников! Больше двух часов мчались они, пока не увидели впереди себя широкое озеро.

Слева, в трёх километрах от озера, была удобный, крутой спуск, а внизу — болота, покрытые лесом. Попов понимал, что там можно будет укрыться и принять бой. Для этого нужно только достигнуть спуска скорее финнов.

Финны, очевидно, также поняли значение этого места и устремились к нему.

Вот крутой спуск с редким лесом. Но недаром наши лыжники были такими мастерами славяма.

Это были соревнования на жизнь. Как ни срывались финны своими способностями к лыжному спорту, но верх взял техника и выносливость русских лыжников.

Они домыслили к финну на две минуты раньше финнов, спустились в лесок, заняли выгодные позиции и встретили финнов прицельным огнём.

Атака финнов была отбита. Начиная вечереть, финны не могли уже продолжать преследование, и группа Попова благополучно двинулась дальше. За те памятные сутки наши разведчики прошли на лыжах свыше ста километров.

А наутро Попов уже докладывал своему командиру о результатах разведки.

Рисунок Н. Муратов.

Иллюстрация И. БЕРЕНДГО

Мне снится полдень деревень,
Где листья в солнечном сплетенье,
Где поляны проливаются сень,
Струит узорчатые тени.

Мы радостно всей грудью пиём
Дыхание звёздных ветров.
На тёплом темени своём
Я чувствую ладони света.

Я слышу тихих тополей
Беседу в отблеске заката.
О, пристынь юности моей,
Вспышкой седи,
Родная катая!

Мне снится: солнечной рукой
Лук протирает стекла в рамках.
Что это?
Сон.
Глаза открыл!
...Стоит берёза в чёрных шлемках.

Я вижу скорбных матерей
И в русской неизбывной боли
Худые кисти рук детей
На разминированном поле.

В туманных далах и во сне
Я детский голос често слышу.
Кричит земля моя в огне,
Летает смерть
Над самой крашей.

Я не могу спокойно спать!
Перед глазами, как живая,
Всёлет разгвазданная мать,
Собой робёнка прикрыва.

Пыля золою по завале,
Пылает вьесы родной хата.
Как купца, девачья трах лет
В ногах немецкого солдата.

В пугливом сумраке полей
Дым стелется...
И под обстрелом
Печаль затравленных детей
Идёт севенным опустылим.

В мучной думе тышины
Молчат угрюмые раины,
Вскри дятя обожжёны
Слезам матерей убитых.

О, дочери страны моей,
Вы, перескисшая муки,
В мороз
Несли грудных детей
И отсыривали ручьи!

Сметала выгода вам венок,
Давёмко рындаю вторя,
Зова обрубил детский ног
В свидетели немного горы.

В КИЕВЕ

В. Союора

На Лавре луч зажжё звезду,
Ряды домов, на лес похожих,
По узким улочкам иду,
Где ни огня нет, ни проложих.
Молчит мой город неживой,
Лишь тени следуют за мною,
Подат лишь голос часовой
И каскою блеснёт стальною.
Сквозь слёзы сивева блестят
С высот далёких и уральских,
И под ногами снег хрустит,

Не снег, — а кости братьев моих.
Раздели их в тот день сырой,
Перед повешеньем, у вала,
Провёл их по мосту конной,
И кровь шила их отмечаю,
Прохлада от реки пльваю,
Не пожимал никто им руки,
И тяжкой грядкою их тени
Повисли в ступорозе мучи.

Перевёл с украинского
И. ГРУШЕЦКАЯ

В ГОСПИТАЛЕ

Наталья Паштик

Оселили вечером, когда зенитки
Привычно ухали в тревожной тишине,
И ветер хлещал соломинкой какаштой,
И ранение бредило во сне,
К нам в госпиталь в забрызганной
машине

Трёх новых раненых достаёшь санитар.
Одних из них, как мне казались,
комиссар,

Был страшно искалечен миной...
Наутро весь в бинтах, безвольный
Лежал он, пристально смотря перед
собой,

Упрямо отводил единственной рукой
Лекарство прочь. И только вздрабывая
невольно...

В кулак сжималась бледная рука,
Действительность ему казалась адом...
И нас—сестёр, врачей, больных,
политрука —

Всех
ненавидящим встречал он взглядом.
Однажды он меня позвал:

— Ты напиши на Северный Урал
Письмо... — он криво усмехнулся —
«Ий... Той, которая. Ну, в общем,

Что... разлюбил её... Что больше не
ждала...
И, вздрогнув, к стенке быстро
отвернулась.

А я вписала после этих слов
Больничный адрес:

«Госпиталь, Ростов».

Недели шли, а писем нет и нет,
Но утром раз машинкой берет
Мельничка цветком в окне. Лёкно
и смею

Она вошла. Увидев, поблдевела
И бросилась к нему. И обвила рукой.
«Родной! Зачем? За что?» — она сказала

— Зачем ты леза? Я в всё равно
узнала!

Я догадалась. И увидишь — я с тобой!

Я Сашин

По улице тянути таянчик немкий.

Покорно нла железная сора.

Набрал камней,

с суровостью недетской

По мостовой бежала детвора.

У каждого—бульженье «лямонки».

Я в памяти наболог сохрани,

Как с ненавистью детские ручонки

Швыряли камни в серую броню.

ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ

Роман

Николай Чуковский

Продолжение*

Рисунки Е. Ракина

Глава шестая

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

1

Василий Степанович Тарараксин теперь не часто посещал государственной комиссионной магази, в котором служил заместителем заведующего. На дворах магазинов давно уже висела бумажка с надписью «Закрыт по случаю воздушной тревоги». Впрочем, в промежутках между воздушными тревогами магазины тоже были закрыты. Теперь было не до торговли старой мебелью.

Каждый день он несколько часов стоял в очереди за хлебом; женщины призывали его за профессора. Шепотом рассказывали они друг другу, что он крупный учёный, что его собирались увезти из города за самолётом, так как таких людей, ценных для науки и человечества, нужно особенно беречь, но что они уезжать отказались: вотрещ: «Я, мол, свой родимый город в беду достать не хочу, и что другие ленинградцы вытерпят, вытерпят и я». Трудно сказать, слышал ли Василий Степанович эти разговоры. По всеё вероятности, слышал. Он никогда не подтверждал их ни единым словом, однако и не опровергал.

Впрочем, в очереди он держал себе со всеми просто и охотно беседовал. Все знала, что у него три карточки: одна — его собственная, другая — его племянницы-сестрички, которую он ввёл к себе на воспитание, а третья — соседки-соседки Аркадии Семеновича, молодого человека, больного туберкулёзом. Об этом своём соседе говорил он особенно охотно. Живут они рядом, через площадку, и познакомились случайно, на лестнице. У Аркадия Семеновича туберкулёз начался ещё до войны, и в армию его во ввезли. Теперь он, конечно, упрёт, он уже не в силах выдержать на ушах, и вот Василий Степанович сам стоит за него в очереди.

— А какой способный молодой человек! — вздыхал Василий Степанович. — Прекрасные стихи пишет.

К студенту Аркадию Семеновичу заходил он часто, иногда по нескольку раз в сутки. Семенович даёе отдал ему ключ от своей квартиры, чтобы не ходить открывать. В этот день Василий Степанович зашёл к нему вечером, в сумерках.

— Это я, друг мой, я, — сказал он, отперла дверь ключом и через холодную прихожую вошёл в узенькую комнату, окном которой было заперённое одеяло. — Вы не спите? Я не разбудил вас?

При свете крохотного огонька, который горел на конце фитилька, заснувшего в атенуэную склянку, он увидел лежащего а кровати молодого человека с длинным заостренным носом и светлыми, светлыми, давно не стриженными волосами. Это и был Аркадий Семенович.

— Нет, я почти не сплю за последнее время, — сказал Семенович. — Перестал спать. Вы теперь приходите ко мне только в сумерках или в темноту. Прошлый раз вы были у меня, по-моему, рано-рано утром, задолго до рассвета.

— Да ведь теперь почти всегда темнота, дни коротки, — сказала Василий Степанович. — Вот и выходишь, что я бываю у вас только в темноте.

те. Впрочем, я за последнее время тоже почти не сплю по ночам. Я потерял ощущение времени. Возможно, и действительно иногда захожу к вам глухою ночью. Вот, пришёл как выи хлеб. Не благодарите, друг мой, это так естественно.

Он берёжно протянул Семеновичу запертый в обрывок газеты ломтик хлеба. Это двадцать пять граммов. Семенович привалился в постели и протянул дрожавшую руку. Он взял ломтик, посмотрел на него. Потом выткнул из-под подушки перочинный ножик и разрезал ломтик у себя на ладони на две совершенно равные части. Половину ломтика он сунул в рот, а вторую половину, видимо, собираясь отложить, прикусил. Но после борьбы с самим собой, продолжаясь несколько секунд, он сунул в рот и вторую половину.

Василий Степанович свёл свою шубу, пододеяльник в кресло и присел на край кровати.

— У вас сегодня почти тепло, — сказал он и взглянул на железную пелурку, а чёрном раскрытом зеве которой слабо гудели листы бумаги; эта пелурка и скляночка с фитильком были аккуратно принесены сюда осенью Василием Степановичем. — Что я вижу! — воскликнул он, заметив опустевшую книжную полку. — Вы сдвинули здесь свои книги!

— Да, я жгу книги, — сказал Семенович. — Я просмотрел в последний раз, читал самые любимые и швырнул в пелурку. Скажут университетских лекций и учебники я уже сжег давно. Я сжег старые журналы, романы, даже самые хорошие. Книги стихов я оставил напоследок. Впрочем, теперь я уже жгу и моих поэтов. Я уже сжег Наумова, Плещеева и Некрасова. Недавно я перепрочёл Фета и сжег его. Сейчас в чертёвную бланку, чтобы смеяться. Потом начну читать Тютчева, Пушкина и осталось напоследок. Я уже не могу читать, ждаль мне осталось совсем немного. Я расцветал так, чтобы тепла и стихов мне хватило как раз до конца.

Два розовых пытышка появились на его губах.

Лирическое возбуждение внезапно охватывало им. Он склонялся от еды, от разговора.

— Вы, кажется, стихи какие-то написали? — спросил Василий Степанович.

— Написал.

— А ну, прочтите. Я люблю ваши стихи

— Это стихи у Тихом океане, — сказал Семенович, возбуждался ещё больше. — Какое прекрасное сочетание слов — Тихий океан! Я здесь лежал и вдруг стал думать о Тихом океане. Какой он огромный, глубокий и тёплый! Когда я был мальчиком, и много читал о восточности по Тихому океану, — о капитане Куке, о Ла-Перузе. Так хочется послушать!

— Читайте, друг мой.

Семенович прочёл:
«Гаснет розовый свет неземной чистоты,
Сладко плещи в траве отхлаждает,
И вздоху, — шеп, не везёды, а будто цветы
На ветках этих плазм расцветают,
Чуть дрожат, наклоняясь, и шепчут стелбам
Земнойй петуи мгыче постели».

(Продолжение на стр. 15)

Время идёт. Давно
ки, оставая тяжёлый
ших просёлках, подзар
мой Москве и автомати
мой СС стучали кова
по знакомому речному
но ли безопаснее Шам
ло в сером пелле и гор
решное кровавым веш

Это было давно, и
На войне время ни
Вчерашний бой непот
становится уже достоя
И много дней спустя б
источником живого э
низи, а его славы гр
и кровю боёв, прола
незримо струится с бе
развешающегося на пол
Вчерашний бой — это
военного исследования,
в котором закалилась
людей, в котором вы
границы воля, движе
Бой у Волоколамско
выг двадцати восьми
цев, озаривших бессмер
гвардейскую дивизию,
осложной воспитания ме
офицеров.

...Генерал С. Черни
дивизии, — стоя у схем,
офицерском собрании, об
бирает прошлые бои дв
полототдеда Д. Ширин
тель старый нафилосо
направляют в роты и
несем, приходящих в ад
ты дивизии от роствен
восьми героев, от участ
боёв.

В торжественной об
фронтом выстроившей ро
служил героя, бывший
беспокою, командир п
пистолет-пулемёт Нат
двадцати восьми гвард
му данфиловцу Абуал
движимым ряд бойцов,
блескивает сумрачной
ного оружия, и Абуал
сь, обеими руками бер
мёт, чтобы разить из не
это делал Натарао.

искию тан-
 на промёрз-
 почти к сз-
 из отборных
 сапогами
 Истры? Да-
 шковский стоя-
 чей золье, оза-
 ожарок?
 было недавно.
 собой счёт.
 назаत्रа он
 историков.
 тот служат
 вешни для во-
 неумолчно,
 в тот день,
 его знамени,
 и новых бить.
 только область
 но и горнло.
 дковная сила
 влась воинские
 шosse, под-
 ров-панфилов-
 славой 8-ю
 стали для неё
 одях бойцов и
 то — команду
 амвешенных в
 готельно раз-
 вни. Начальник
 го заместит-
 М. Мухомолов
 аводы десятка
 ес полковой поч-
 ником двадцати
 ников прошлых
 танкоке, перд
 ги, где раньше
 а разезда Ду-
 ралма передаёт
 ора — одного из
 шлов — молодого
 Тагаеву. Не-
 На солнце по-
 авал легендар-
 Тагасе, воору-
 ипостолет-пуле-
 ырга так, как

В тени высоких деревьев расположи-
 лись бойцы. Перед ними выстужает са-
 модетельный хор дивизии, и далеко
 окрест звучат слова, прозвучавшие в
 первый раз зимой 1941 года, когда 8-я
 гвардейская перешла в наступление и
 ворвалась в Крюково:

«Гремит в походе песня боевая,
 Когда идёт в порядке строевом
 Дивизия, гвардейская, восьмая,
 Которой так гордится наш народ!»

Звучит вострый голос санитарки Ли-
 зы Исмаиловой — любимицы дивизии, — и
 бойцы хором подхватывают припев. Песня
 крестит и несётся вперёд, туда, где
 недалеко от этого тесного уголка про-
 летает наш передний край, где панфи-
 ловцы крепко держат оборону своего
 рубежа.

В дни, когда дивизия праздновала
 свой двухлетний юбилей, бойцы и офи-
 церы были награждены орденами и ме-
 далями. Значит, крепка панфиловская
 сила дивизии, и с честью хранит она
 свои боевые традиции, освещая их сла-
 вой новых подвигов.

На большом плане выстроились полки.
 Звучат слова команды, повторяемые
 словно эхом голосами командиров
 полков и батальонов:

- К торжественному маршу!.
- По-батальонно!.
- На дистанцию одного линейного!.

Заиграл оркестр. Идёт толгарский
 полог, идут дубосекошвы, идут волоко-
 ламцы. Капли дождя, покрывающие кас-
 ки, ранцы и сталь орудий, вдруг вспи-
 хивают разноцветными искрами в лучах
 пробившего тучи солнца. Кажется, бу-
 то это идут древние русские воины-
 витязи в сверкающих шлемах и латах
 из чудесного сплава. Идут полки широ-
 ким шагом тяжело вооружённой рус-
 ской пехоты. Развевается плёмя знамени
 8-й гвардейской краснознаменной ордена
 Ленина имени генерала Панфилова ди-
 визии. Идут полки, головы и к смерти
 и к бессмертной славе. И генерал Чер-
 нилов говорит:

— Золотая дивизия — прекрасный ин-
 струмент войны! Она не уронит честь
 своего знамени.

Действующая армия.

Боем пробыло безмятежный бак в левой плоскости. Горючее вытекло. В другом баке осталось его ровно столько, чтобы довести до дому. Он лёг на обратный курс. Приближаясь к переднему краю своих войск, он вдруг заметил ниже себя трёх «юнкерсов», разворачивающихся на бомбёжку.

Он не успел даже ничего подумать, так как рука его уже сделала быстрое и плавное движение, и самолёт, завывая мотором, пошёл вниз. Понижая для атаки была предосторожная. Он свалился сверху на ведущего «юнкерса» и с двух очередей полётов его. Оба оставшихся немца резко развернулись и, побросав бомбы в степь, между немецкими и русскими цепями, пошла на запад.

Он кинулся было за ними следом, но тут из-за облаков выскочили на него два «мессерингита». Завязалась бой — трудный и сложный. Ускользнув от первой атаки немцев, он погнался бой вверх и в сторону расположения своих войск.

Спустя три минуты он был ранен осколком в голову, спустя ещё пять минут — пулей в плечо. Он продолжал бой, перехватив ручку в левую ладонь, и опрокинул на землю одного из «мессерингитов». Второй немец, оставшись один, дрался вяло, но азарт его было уже ничем. Горючего оставалось считанные капли, сна — ещё меньше. Боюшки вышли, сознание проваливалось, кровь заливала левый глаз.

Чувствуя, что силы покидают его, он повернул машину в лоб на врага и дал полный газ. Немцу, увидя надвигающуюся на него в лоб машину, не выдержав, вынужден в сторону и, развернувшись со сплыванием на сто восемьдесят градусов, ушёл.

Встряхивая головой, чтобы расшевелить надвигающегося обмороча, он повёл машину на посадку. Последние капли сил и последние капли горючего иссохли в то мгновение, когда колеса машины коснулись земли. Он ещё успел отменить в мутном сознании тишину поля, среди которого он сел, успел увидеть бегущего от перелёта красноармейца и потерял сознание.

Сколько прошло времени, пока сознание снова вернулось к нему, он не знал, но, должно быть, немного, потому что наклонившись к нему через

ЛЕТУЧИЙ БРАТ

Рассказ

И. Брагини

Рисунок О. Верейского

борг красноармеец ещё дышал порывисто — значит, только что победил.

— Жив! — радостно воскликнул красноармеец, — Жив! — отогнать лётчика, вдыхая всё грудью пришедший запах полётов: трав.

— Ну и молодёжь! Давай-ка я тебя из машины выволоку.

Он подпирал сапогами о гофрировку на плоскости, крепко ухватившись ногой, потом обнял лётчика и, локоть выхватав его из сиденья, спрыгнул с ним на землю. Потом от отнёс его к стоявшему неподалеку одинокой ракете и начал перевязывать.

— Как тебя фамилия, товарищ? — спросил он, покончив с перевязкой головы и берясь за плечо. — Быков, — ответил лётчик. — Сержик Быков, эфрейтор Быков. Ты не с Архангельской области, случайно?

— Нет, я из Калуги.

— Ну, это всё равно. А звать тебя как?

— Зовут меня Василий.

— Василий. Так. А меня Костя. Ну, вот и готово.

Он окончил перевязку и, удобно прислонив лётчика к ракете, сел рядом с ним:

— Отдохни малость, намаялся.

Сейчас ребята побегут, будут в санчасть доставлять. И-то на пункте связи был, так пришиб и на даче звать.

Он замолчал, прислушиваясь к звенящей зловонной тишине поля и задумчиво покусывая сорванный влезав себя травинку. Лицо у него было крестьянское, молодое, ясное, под шлемом выделялась по буром от загара лбу ярыбедав полёса. Он оглядывал поле сосредоточенно, и загадочной малостью, как гадает на непробитого, нечеловеческого. Потом он отвернулся от поля и сказал с жеманностью:

— А мы за тобой давно следим.

Как немцы подошли, мы думаем: «Ну, сейчас пойдёт бомбёжка на нашу пехотную голону!» А ты тут наскочи и давай их добывать. Глядим: уже одного немца ищечет — горит как свечка. Потом, как сваялся с двумя оставшим, думаем: «Как бы парень не заваль! Но я говорю: «Ну, этот не заваль: видеть — боевой!»

И первой Глядим: другой немец выкурнулся. Мы тебе в ладошки хлопали, не слышал?

— Нет, не слышал.

Он помолчал. Потом эфрейтор встал и, откусив травинку, сказал задумчиво:

— А много нас, Быковых, *юмет. И лётчики есть, и пехота то же самое, а артиллеристы — сила, — он отобрал расщеплённую зубами травинку и сказал с видным сожалением: — Вот наши сылки.

По полю бегом десятка пехотинцев. Спустились несколько минут они уже были в ракеты. Потом начал из них кинулся к самолёту и, оттащив его к ближайшему перелеску, замаскировал в кустах. Лётчика подвинул, и хотя он узнавал, что может быть, его понесли на руках.

Младшой эфрейтор стоял в стороне и не очень дружелюбно оглядывая толпившихся вокруг лётчика товарищей. После разговора под ракетой он считал лётчика безраздельно своим и живо ревновал его к другим. Простудившись, лицо его особенно хмурилось. Ему жаль было расставаться с этим воздушным Быковым, пришедшим с неба на помощь ему — существованию Быкову. Ему хотелось сказать впогонку покидающему его лётчику что-нибудь особенное, значительное, важное, но ничего особенного, значительного, важного как на грех не шло на ум. Только когда лётчика уже вынесли из-за ракеты в поле, он вдруг выткнулся, оправив тамбастёрку, крикнул:

— Слышь, Вася, спасибо от пехоты!

Лётчик поднял руку и приветственно помахал ею в воздухе. Быков выпрямился, сказал, ни к кому не обращаясь, глядя в поле:

— Сила...

И победил к предовой, на усиленноюжущую трескотню выстрелов. Скоро к нему присоединились и другие, слава лётчика поддерживались санническая подерживались санническая структура. Уже в окопе один из товарищей спросил Быкова, укладывая рядом с ним винтовку на земной бруствер:

— Этот-то Быков на тебя лицом схож. Он что, не брат тебе случаем?

— Может, и брат, — нехотя отозвался Быков.

— Родной или, может, двоюродный? — заинтересовался товарищ.

— Лётчик, — сердито ответил Быков и отвернулся.

ЛЕНИНГРАД СЕГОДНЯ. На город!

ОТЕЦ СТАЛЬНЫХ ПУШЕК

Евсений Федоров

(История одного изобретения)

Рисунки В. Целлера

1
Ша 1855 год.
По зимнему, завьюженному пути, в лютой январской мороз, на занедавшей тройке в Златоуст примчал старший полковник. Начальник оружейного завода инженер Павел Матвеевич Обухов принял гостя радушно. Полковник был невысокий, пачетный, с немного изуродованным, но приятным русым лицом. У гостя отсутствовало левое ухо, на шею алая тонкая шрам.

Офицер приехал издалека, из-под Севастополя. Там в эту пору обильно лилась кровь русских солдат, и он сам был участником жарких и кровавых схваток с врагом.

Полковник за тысячу вёрст примчал на Урал на приёмку оружия: он перебрёл всю Россию и сейчас в тёмной и такой горнице Обухова сдержанно рассказывал о пережитом.

Инженер не мог оторвать глаз от редкого гостя. Полковник говорил о героизме севастопольских защитников. В глазах его светилась печаль. Он крепко сжал руку Обухова и сказал:

— Странно! Только сейчас все обнаружил, сколь мы не подготовлены к обороне, — глаза полковника сверкнули негодованием. Он продолжал откровенно и безобидно: — Я принимаю присягу на защиту отчины. Я солгал и умру за неё. Но я не присягал скрывать правду. Интенданты разворовали государственное искусство, оставили солдат босыми и голодными. В армии живёт дух героизма,

Часы в тёмном фойе разбился полковник, за бесовским хохотом и змеятием, как быстро пролетело время. Пора было на покой.

Обухов встал. Был он высокий, дородный, с военной выправкой, и полковник немалю замаровался им.

Они разошлись в разные горницы, но всю ночь Обухов не мог уснуть. Дёжа в постели и прислушиваясь к завыванию метелей за стенами, он долго оцепивал в мольби подорож гостя.

Полковник — приёмщик оружия — давно уехал, но Обухов не забыл этой встречи. Он несколько месяцев сидел над книгами, затем как-то вызвал к себе старого златоустовского литейщика и долго беседовал с ним.

В этот день оба вдовольнались: они здумали исполнить дело.

Началась с простого — с изготовления тиглей. Тигель — горшок. Но это не простой горшок: он высок, с прямыми стенками и двумя дырами; в верхнем дне небольшое отверстие. Тигель делал из огнеупорных смесей графита и глины. В них плавил металл, и они должны были выдерживать температуру в три тысячи градусов.

В Златоусте впервые увидели изготовление тиглей. Всем это было в диковинку. Однако изобретателей преследовали неудачи: тигли лопались на небольших температурах, и металл растекался.

Старый литейщик жаловался: — Немало дело мы затаили, Павел Матвеевич. Наши-то смеются, горничными зовут.

Обухов смуря брови: — Горничники — это почётно. А ты потерпи ещё немного!

Ему и самому было тяжело. Он не раз уже лопали несовершенные вглядки: много ночей пропало без сна, но инженер не сдавался.

«Нам тяжело, верно, — думал он, — но солдату под огнём ещё тяжелее». Он упорно продолжал работу. Все стали замечать, что горничники реже и выдерживают высокую температуру.

Однако ни старый литейщик, ни инженер не выдохлись: впереди предстало самое трудное.

Они закрылись в сарайчике и составили смесь. Под руками били чуток, сырцовый снаб, железю руда магнитного железняка, чёрный плаш, мильон, солдаты и глина. Теперь они бились над сплавом.

Лито Обухова огуналось, пожелтело. Он нервничал из Санкт-Петербурга на требованья шаш отписки, никто там по-настоящему не интересовался заводом.

Инженер часто уходил в горы. Стоял печальными лесами. Из-за Косогора принимался удерживания месня, — и под его землекопным светом поблескивала завьюшенная Паш. На душе Обухова было тяжело.

— Нет, ничего не выйдет. Из мидально только один разгадывает загадку! Однажды вечером в тяжёлом настроении сидел он в лаборатории. Стояла тишина. Затаённо потрескивали оста-

вающие тигли. Он в отчаянии схватил лом и стал крутить горшки: — К черту всё это! Пусть не иссушат мозг!

Он раздробил тигли в мелкие куски: раздробил и распотла заготовленную смесь.

Инженер не слышал в азарте, как сзади скрипнула дверь:

— Ты что ж это, Павел Матвеевич? Голос старого литейщика был тих, но страшен.

— Ничего, ничего не выйдет у нас! — кричал инженер.

Старик прошёл вперёд, присел, уставился в начальнику.

— Это почему же, Павел Матвеевич? У англичан выходит, а у нас нет. Аль мы хуже?

Литейщик не светился, но ждал ответа, сам отвечал на заданные вопросы:

— Ну нет, Павел Матвеевич. Назад нет ходу! Два года ушло, а при моих летах это не шулка. Не высказывайся ты, Павел Матвеевич, это верно. Идёмте!

Он бережно обня начальника и отвёл на квартиру. Там он уложил его, как ребёнка, в постель и сказал ласково:

— Утро вечера мудренее. Отдохнуть надо от дум. Оно прийдёт!

Старик оказался прав. «Оно» пришло после долгой и упорной работы.

Ровно два года исполнялось, как в Златоусте побывала севастопольский полковник и неугомонно Обухову удалось напасть на тёмной снаб, который давал чудесную булгунную сталь. Она оказывалась лучше английской и крупновеской.

Из литой булгунной стали на заводе самострианы кирасы, которые, как рубашка, прилеплялись на тело, и при стрельбе на полсотню шагов пули не пробивали их. В глухих горах Обухов испытывал

За беседой сесты и хозяин не заметил, как быстро пролетело время.

Но... — гость замолчал, полез в карман и достал какой-то предмет. — Спрятать!

Полковник разжал лавон. На ней лежало что-то, похожее на тонкий напёрсток. Обухов наклонился и внимательно оглядел предмет.

— Пуля! — узнал он. — Но сестой пуля!

— Совершенно верно, — вздохнул гость. — Мы их из кремнёвых, из галд-костальных ружей, в они и нас пугает из агличских штуцеров. Эта штука, — повертел он на ладони штуцерную пулю, — летит дальше и бьёт крепче, — он замолчал и проглотил пулю. — Возьмите на память о Севастополе...

Он раздробил тигли в мелкие куски...

кирасу на себе. Он обрядился в неё и составил старика-литейщика стрелять. Литейщик долго колебался, но, вонзая дымный инженером, перекрестился и бабахнул по кирасе. Она выдержала пытанье. Обухов обнял и расцеловал извольванного старика. Обобранный успехом, он повёз своё изобретение в Санкт-Петербург.

К тому времени окончился в отделе для России Крымская война. ПЕЧА 1857 год. Над Невой стояли призрачные белые ночи, когда в Северную Пальмиру приехал инженер Обухов. Казалось, всё предвещало успех.

Павел Матвеевич остановился в отеле француз Лерье на Невском, неподалеку от Зимнего. Француз в первый день пошел к нему у юркого мажора. Человек этот был мал ростом, обезьяноподобен, с необыкновенно подвижными пальцами, удивительно колючими.

— Меня зовут Вуазье, — покосился мажор. — Как истинный патриот, я очень рад пожать вашу руку.

Мосье Лерье успел шепнуть на ухо Обухову:

— Это самый богатый человек здесь. Очень интересуется вашим изобретением. Инженер помиршился и брезгиво подумал «Шино!».

Вуазье несколько дней неотступно преследовал инженера Обухова, издалека заводя разговоры.

У вас в руках жизнь одного знатного человека, — сказал он однажды ему. — О, если бы вы знали, как вас облагодарили, если... — мажор огладался и, в конце концов, побоявшись, Гвардский поручик, князь, будет стрелять в вас, и если господину Обухову угодно спасти ему жизнь, то мы согласны...

Обухов сразу всё понял. Мажор был противник, как скользкая лаба, но инженер сдержался и спокойно спросил:

— Сколько?

— Это мне нравится, — покосился мажор, — он может дать за секрет десять тысяч рублей.

Обухов посмотрел на собеседника и сказал:

Вы хотите убить сразу двух зайцев, — облагодарили владельца гвардии и одну иностранную державу. Послаушайте, у вас нет средств и сил, чтобы заставить меня изменить родина.

Он скватина невозможного гостя за широрот и вытолкал из номера.

«Сей зам хорошо, — обрвадно покрутил опытным ладью поглядеть кирасы Обухова и только после этого доложил об изобретении господину министру.

Военный министр, огадед кирасы, строго спросил начальника Златоустовского завода:

— Нам пушки нужны, сударь, а не кирасы. Тратить на сие ладу оборотную стагу и значительный салют врыжжик пугать невыгодно, сударь. В России, хвала богу, мужиков много и салат деша!

Пушки действительно были нужны. После Крымской войны стало ясно, что России необходима хорошая артиллерия. Пушки покупали у Крупна. Крупновская литья сталь славилась на весь мир, но обходилось воспринимать подоступу по подшестьдесят четыре рубля за пуд — деньги немалые. Шведские оружейные заводы Финляндии и Швеции продавали пушки деша, но они и качеством были хуже. Военный министр предложил Обухову:

— Подумайте, сударь, над пушками. Ставь вы научились варить отменную. Чуть будут и пушки обрвадно...

Обухов слав кирасы в артиллерийский арсенал и, огорченный, уехал из Санкт-Петербурга. Мосье Лерье, пожимая руку

инженера, укоризненно покачал головою: — Сами видите, сколь не ценят здесь ваших хаюлат, а между тем господин Вуазье...

— Прощайте, — энергично прервал его Обухов, — и запомните, мосье Лерье: русские люди непроданы.

IV

Осенью Обухов снова появился на Златоустовском заводе. Снова дважды со своим оном наедине беседовал. Вскоре стало известно: Обухов надумал отлить из оборотной булатной стали пушку.

Ново поднимался медведик. Огнит преследовал неудачи и в составе стали и в литье, но всё преодолел, и в марте 1860 года три пушки были отбучены и высланы.

На обширном заводском пруду, ещё покрытом толстым льдом, избрали полигон. Пушку привезли на санях и установили на массивном железном лафете у подножия Косотура.

Стоя тихий морозный день. Яркое светило солнце.

На Косотур бежалась весь златоустовский. Они расслапая по скелону горы и на платине и зорко наблюдали за тем, что происходило на полигоне.

Программа первый холостой выстрел. По горам прокатились зловонное эхо.

Обухов приснял, перелегнулся со стариком Шевцовым. В эту минуту он вспоминал все трудности, разочарования, горесть. И вот теперь подошло долгожданное. Он махнул рукой и крикнул:

— Ларю!

Так и умер он, унес секрет в могилу.

Солдаты взяли из ящика гладкую чугунную бомбу и торжественно вкатили в дуло. Старший фейерверкер скомандовал:

— По горам громом прогремело эхо. Поднялись холостую сиектуру пыль, ядро с визгом перелетело вверх и ударило в дальние сосны. Было видно, как закружилась иней и ползраванная тёмная корона первертулась и упала в сугроб.

— Знаю! — покхвала фейерверкер и подохла пушку. — Матушка-голубушка, немаль и рази супостат!

На Косотуре раскатилось громкое «ура»...

Пушку тут же, на полигоне, бережно уложили в ови и отгрянули грузом в далайский Санкт-Петербург. Её давно ждали в артиллерийском арсенале. Там её нарежали и подготавливали к испанению. В августе 1860 года её доставили на полигон. Обухов сильно возновался.

На полигон неожиданно прибыл царь.

Он милостиво подождал инженера и спросил: — Уверен ли ты, что твоя пушка выдержит?

Вполне уверен, ваше величество!

Государь пристально посмотрел на Обухова:

— А чем ты это докажешь?

— Тем, что если вы позволите, то я сяду на неё верхком и пусть стреляют, сколько хотят.

Царь снисходительно улыбнулся:

— Пожалуйста не вздумай этого сделать!

Он взмахнул белоосенным платочком — и испытания начались.

Первая стальная пушка Обухова выстрелила четыре тысячи раз, и ни одной царапины не появилось в дуле. Тут уже и министр не утерпел:

— Вот видишь, сударь, отла-таки-таки пушке Крупна! — покхвала он инженера и хлопнул в ладоши государи.

Царь покхвала Обухова десятью тысячами рублей и приказал построить в Златоусте пушечный завод. Завод построили и назвали Киземень-Кайаовским.

Пушки в Златоусте отлавляли для всей русской армии. Были они значительно лучше крупновских, а обходилось всегонашево по шестнадцати рублей литьевост колес ту.

Чтобы сталь была лучше, Обухов применял к ней магнитный железняк — металл получался необыкновенно крепкий и твердый. Сколько прибавляла магнитный железняк, как и когда, — знала только двое: Обухов и старик-литейщик Шивцов.

Так повелось: старые мастера не открывали секретов.

Обуховские пушки прогремали на весь мир, но златоустовские литейщики, редкие мастера по литью булатных сталей, жили поприжнему плохо: работали по четырнадцать часов в сутки и получали за основную работу гроши.

Прошли годы. Не стаало ни Обухова, ни старика-литейщика Шевцова, но память о них жива до сих пор. Умирал, старик литейщик передавал секрет сыну. Он и был последним мастером, знавшим тайну литья булатов.

Среди старых мастеров сохранился вековой обычай: тайну мастерства передавать по прямой родственной линии — из поколения в поколение. Дед передавал секрет отцу, отец — сыну. Старик умирал, передавая все его родственники родственной линии и — покосился секрет отцу, отец — сыну. Старик умирал, передавая все его родственники родственной линии и — покосился секрет отцу, отец — сыну. Старик умирал, передавая все его родственники родственной линии и — покосился секрет отцу, отец — сыну.

Сколько его ни уговаривали, сколько ни просили, мастер оставался непреклонным.

Почув приближение смерти, этот высокый кержак с ископленным лицом сходил в баню, вымылся, надел чистую рубаху и хрустелые лиловые лавты: «В рубашонной рубахе да в лиловых лапоточках скорее дойду до престоло господина!»

Старик поспособал, лёг на скамью под иконы и замочал.

В тесную избу прихлудили техники, мастера уговаривали умирающего поведать тайну литья булатов. Кержак неадекватно отперудил лицом к стене и не откликнулся.

Так и умер он, унес секрет в могилу...

Прошло много лет.

После долгих усилий златоустовские рабочие вновь открыли секрет нержавеющей стали булатов.

ДВА МАСТЕРА

Л. Бранот

Рисунки В. Горяева

Трудный был человек Степан Иванович Красиков. И потому, когда шестнадцатилетний сын его Николай объявил матери, что его назначили мастером в том же самом цеху, где прежде работал отец, Клавдия Петровна не обрадовалась, а испугалась.

Родственный баск на минуту погас и в больших темных глазах нового мастера. — Мы отцу не напишем, — сказала он, — а там, может быть, и не справлять и мешать кому. После него уже четверть силы, я буду пятый.

«В отца пошёл», — подумала Клавдия Петровна и вздохнула.

Степан Иванович был известным человеком в заводском поселке, лучшим мастером завода.

В первые дни войны Красиков ушёл добровольцем в армию. Директор потом не раз ругал себя, что не сумел оставить на заводе такого нужного человека.

А Красиков в это время уже был на фронте. Из писем жене Степан Иванович знал, что заводу не удастся найти удачливого преемника. Но не такой был человек Степан Иванович, чтобы жалеть о сделанном. Неудачный выбор преемников, правда, оторвал его, но к этому опгорично приминалось лёгкое чувство удовлетворённого самолёба.

Сомнение пришло впервые Степану Ивановичу в госпитале. В долгие, бессонные ночи, когда не даёшь спать ещё не зажившая рана, много непрошенных мыслей и воспоминаний приходит в голову. И тогда Степан Иванович усомнился: правильно ли он поступил, что оставил цех в такое горькое время? А вслад за сомнением пришло и острое желание побылать на заводе самому. Желание это крепко день ото дня, рана заживала медленно, и Степан Иванович сбродился, крахтед и недолго ворчал на сестёр и санитарок.

Когда рана, наконец, совсем зажила и медицинская комиссия дала Красикову

месячный отпуск, всегда невозмутимый Степан Иванович даже покраснел от радости и два раза непоняла ответила писарю, оформлявшему его документы.

Сидя в вагоне, Степан Иванович думал о предстоящем свидании с женой Клавдией Петровной, сном Ковалюшки, с друзьями, но больше всего он думал о Зелёновке.

Ещё на фронте, незадолго до ранения, получив Степан Иванович письмо от жены, Клавдия Петровна писала ему, что в цеху собирается опять назначить нового мастера, на этот раз комсомольца Зелёновку.

«Чепуха! Не может быть такого, чтоб мальчишку на моё место. Ему ещё двадцати трёх лет нет. Разве он справится!» — ринул про себя Красиков. Но сомнения всё же не покидали его.

Когда-то он был тоже самым молодым мастером на заводе. Но его уже тогда звали не Стёпой, а Степаном Ивановичем и шёл ему тридцатый год. Кроме того Красиковы из рода в род — металлосты, и отец и дед были мастерами.

***

С женой Степан Иванович столкнулся около квартиры. Клавдия Петровна, небольшая, очень молоденькая женщина, не сразу узнала мужа. Несколько секунд она смотрела на поднимавшегося по лестнице Красикова, прищурив тёмные живые глаза, как будто старалась припомнить, где она видела этого красноармейца, потом громко вскрикнула, уронила корзину с привозией и бросилась навстречу.

В первые минуты свидания казалось Клавдия Петровне, что муж за год с лишним постарел и очень изменился. Этот страшный под машинку красноармеец был мало похож на прежнего мастера Красикова. Но немного спустя она рассмотрела знакомые черты, насленно прищуренные сетчатые глаза с нервно вздрагивающими веками и

скидную усмешку, едва заметную в уголке небольшого рта.

«Всё такой же. Узнаёт про Колюшку», — подумала Клавдия Петровна, рассердился. — Я забрасывала мужа всё новыми и новыми волосами.

Закусывая с дороги, Красиков осматривал знакомую до мелочей, безобразно чистую комнату с Боготурскими филями на стенах и искусственными цветами под стеклянным колпаком на консоле, шуршала от удивления. И кельдишно спросила:

— А Колюшка на заводе?

— На заводе, скоро придти дожен, — торопливо ответила Клавдия Петровна.

— Не устал? Не жалуется?

— Нет, ничего, не жалуется. Я его и вижу мало. На заводе больше он, — не глядя на мужа, продолжала Клавдия Петровна и начала рассказывать, как она волновалась, когда долго не приходил письма.

— И вот тогда начала работать, когда война была, — задумчиво вспоминала Степан Иванович. — Тогда первое время нелегко было, зато рано начала и скорей научилась. Уже весною полмиллиона он кому-то невнимкому третьему комбесаднику. И вдруг подался вперёд и спросил другим тоном: — Ну, а мастером у них кто?

— Мастером? Мастером! — дважды переспросила жена, словно впервые услышала это слово.

— Ты вот писала, что собирается назначить мастером на моё место парника этого, как его? — сказала Красиков паузу, как будто не мог сразу вспомнить фамилии. — Зелёновка Пашику.

Зелёновку уже нет на заводе: его в армию призвали, — переставила на столе посуду, успокоила Клавдия Петровна.

Во время завтрака и позже Степан Иванович ещё несколько раз принимался расспрашивать жену про завод, но каждый раз получал такие уклончивые и неопределённые ответы, что прекращал разговор.

Клавдия Петровна с трудом угорнила его отложить с дороги и не идти сразу на завод.

Степан Иванович уступил. Уступил потому, что теперь, когда завод и цех были в десяти минутах ходьбы, на него нашло вдруг какое-то чувство робости.

«Устал с дороги», — решил Красиков и лег отдышка. Он долго ворочался, крахтед, и только перед самым обемом усталости вышла сестра — и Степан Иванович заснул. Он не слышал, как вернулась с работы Коля.

Степан Иванович не видел сына почти года. Он нашёл, что Коляшка изменился меньше, чем жена. Вырос он только маляко плеч, стали шире и движения, разговорч появился какая-то предвременная степенность.

«В мать пошёл, жидковат. Мы, Красиковы, костлявые», — подумал Степан Иванович и вздохнул.

Клавдия Петровна по случаю приезда мужа постаралась состричь обеб получить. За обемом отец съехал вернувшись очень испуганного судна, взглянул на сына и спросил, медленно выговаривая слова: — Вот мать не знает, кто вместо меня в цеху работает? Может быть, и ты не знаешь?

Рука с ложкой остановилась на полпути ко рту Николаю, он несколько секунд галдел в тарелку, словно искал там ответ на вопрос, потом поднял на отца глаза и сказал радельно, с лёгким, едва заметным задором:

— Знаю.

— Ну кто же? — оживился отец и тоже задержал ложку.

Сын ответил не сразу. Наступила пауза. Степан Иванович уже хотел повторить вопрос, как сын снова поднял на него глаза и негромко сказал.

— Я? — Что? — не понял отец.
— Я на твоём месте работал мастером, вот уже третий месяц.
— Что же, старше и умнее тебя никого не найдёшь на остальном? — заинтересовался отец.

— Находьтася и старше и умнее, — в тон ответил сын, — только у них хуже получается.

— Больше до конца обеда за столом не разговаривали.

На следующий день Степан Иванович с утра в食堂 и привёз на работу разные мелкие домашние работы. На завод он не пошёл.

Только на шестой день Красиков не выдержал. С утра он привёз в заводскую стая, поставил на керосику елэй, потом бросил наполовину сделанную работу, вышел одесая и пошёл на завод.

Он обходил завод как за делом, подолгу останавливался около старых знакомых и идти в свой шёл не горюшил. И только когда не оставалось ни одного носометренного заказука, он пошёл туда.

Нёк встретил его привычным шумом. Степан Иванович подошёл к первому станку, у которого работалая незнакома, отнёк молодой девушка с полым, круглым, румяным лицом и заворно вздыбнутым носом. Она мелком вытаскала на Красикова и олятя наклонилась к станку.

Степан Иванович постоял несколько минут и, ничего не сказав, отнёк прочь. Медленно обходя от неё, останавливалась у каждого станка и наблюдала за работой.

Однажды вёсь шёл, Степан Иванович снова вернулся к первому станку и сердито спросил:

— Кто мастером у вас?
— Николай Степанович, мастер Красиков, — ответила девушка.

Степан Иванович посмотрел на неё, широко желяя убедиться, что девушка слушно, потом спросил:

— Ты его верста так зовёшь?
— Как?

— Николай Степанович? — с трудом, как будто бы очень трудное имя, произнёс Красиков.

— Всегда. Все его так зовут. И директор дажо. Он у нас самый лучший мастер, — гордо сказала девушка.

Степан Иванович ничё не сказал, круто повернулся и вышел.

Он возвращался домой медленно, пристально рассматривая с детства знакомые дома старого заводского посёлка и носенному голубое небо, словно расселиваясь видеть там что-то новое, необыкновенное, и без конца повторял:

— Николай Степанович, Николай Степанович.

Он постучал в дверь и на вопрос жены: «Кто там?» — смрепно ответил:

— Это я, Стёпа Красиков.

Ещё до встёхания жена отпустила его пошёл в ванкомат и попросил отправить его на фронт.

— Здесь и без меня обделаете, а там я лучше, — уже без обиды сказал он жене.

Провожая его несколько старых друзей, жена и сын. Устроившись в вагоне, Красиков, подгадуя, как будто помолчаливая, вышел из вагона, пощолчался с приятелями, потом обьяла жену и, предупреждая слёзы, сказал:

— Ну, ну, Клава, вернусь скоро, вот только немец прогоним. Мм, Красиковы, народ жалостливый, вытаски — зетем откруто повернулася с смылу и добавила: — Ну, мастер Николай Степанович, чортова кулава, давай прощайтёся.

И вдруг захлопала вёсело на вёсь парон, потом обьяла сына, так что у того треснула кость, и сказала тихо:

— Моладёк, хорошо работёшь! Но погору, вернётся, я тебе покажу. Николая Степановича! Наш разговор с тобой ещё ввередя.

В ТРЕХ ТОЛСТЫХ

Людмила Лещ

(Маленький фелетон).

Рисунк П. Муратова

В кабинете руководящего работника обкома комсомола Худякина шло совещание.

Выступая инструктор Ванюшин. Энергично жестикулируя и поинутно вскрикивая пшшш шевелюрой, инструктор рассказывал о том, как он обследовал одну комсомольскую организацию.

Сам Худякин — человек молодой, но очень солидный, с преждевременной лысиной и снисходительной важностью в глазах — сидел за письменным столом, кивая голоной, слушая гневную речь Ванюшина.

— И тогда я сказал этому секретарю, — гремел Ванюшин, рубя воздух ладонью, — что комсомольцы его не уважают. Да, но уважат. «За что, собственно, они должны тебя уважать, голубчик?» — сказала я ему. — За какой уровень знаний?»

— Правильно! — сказал Худякин. — Продолжай, Ванюшин!

— За плохую работу, — закончил полщённый Ванюшин, — у нас в стране с испонкой леза людей не уважают. Вспомни, — голор, — Толстого «Потан-богатыря». Богатыря спрашивают: «Говори, — уважаешь ли ты мужика?» А богатырь отвечает: «Если он не прощётьт твоёму мужику уважало».

— Правильно! — согласился Худякин. — Хорошую ты ему читалю вверула, Ванюшин, моладёк! Вот видите, товарищи, как полезно знать творчество наших лауреатов.

Сидевшие в кабинете перелягунались, а некоторые — к удивлению Худякина — стали смеяться и перешептываться.

— Это, Николай Иванович, не наш Толстой! — растерянно произнёс Ванюшин.

— Что значит «не наш»? — нахмурился Худякин. — Лауреат и депутат — не наш? Думаю, что ты говоришь, Ванюшин, хорошо.

— Не наш, в смысле не тот, Николай Иванович!

— Что значит «не тот»? Не понимаю!

— Не тот, в смысле не этой! — сказал Ванюшин с той же растерянностью и криво улыбулся.

Худякин достал клетчатый носовой платок и вытер испогоненное лицо. Потом он нахмурился, покраснел и... стал громко смеяться вместе со всеми. Посмеиваясь, Худякин благодушно развёл руками и сказал:

— Запротоковался я с тобой, Ванюшин! Всея Толстых вернут! — Тут он снова нахмурился и закончил:

— Однако, товарищи, хоть Лев Толстой — и не лауреат и том более не депутат, зять его творчество нулено. И Ванюшин хорошо доелет, что изучает наших классиков, которые дают нам...

— Что именно «дают» нам классики, Худякин не успел сказать, потому что в кабинете раздавался новый гурым хохот.

— Это, Николай Иванович, не Лев Толстой, — сказала Ванюшин, икая от смеха, — это Алексёк!

— Алексёк? Зачем же ты меня тогда путёшь? И же так и сказал: лауреат и депутат!

— Он хоть и Алексёк, но не лауреат, по-

тому что он Константинович, а не Николаевич.

— Постой, постой, Ванюшин! — рассердился Худякин. — Нам тутешья и других путёшь. Алексёк потому, что не Лауреатович. То есть это... депутат потому, что не Константинович. То есть это... Одним словом, это другой Алексёк Толстой, так?

— Так, Николай Иванович. Другой! Звать его Алексёк Константинович.

Худякин выдохнул с видимым облегчением.

— Тогда я, товарищи, не понимаю вашего смеха! — сказал он, растерянно глядя на продолжавших хохотать участников совещания. — Надо, конечно, изучать творчество наших лауреатов и классиков... но зять всяких там Константиновичей я не обьязу. Ну! Что он написал!

В комнате раздавался негодующий возглас:

А «Нарь, Фёдор Иванович?! А «Князь Серебряный!»

— Никаких «серебряных», никаких «золотых»... Я знаю, что говорю. Ты, Ванюшин, не должен дёбрать пштыи у кого пошло... Что это за «мужики»? Что это за «прощайтё урожай!»... Типично феодальные образцы. Ему в XIX вёсь надо было родиться, твоему Константиновичу!

В кабинете царило совсем уже неприличное вёсалье.

— Довольно! — сказала Худякин багрово... Обрёлалась. Продолжай, Ванюшин, только, пожалуйста, ступь дома рассказывая, а в беллетристичко нечего заниматься в военое врёмя!

Когда совещание окончилось и компания спускалась, Худякин сипа голфешину трубку и керно набрал номер.

— Степан Иванович, здравствуйте! Худякин говорит! — сказал он почтительно. — Знать, какая со мной сейчас смешная история произошла! И я в трёх Толстых заблудился... Хочу сам вам рассказать, а то товарищи такое наговорили...

Затем он положил трубку и вызвал управделами. Когда та зьявилась, Худякин сказал:

— Вот что, Лидочка: ты с литературой хорошо знакома?

— Откровенно говоря, не очень.

— Придётся тебе поднаесть на литературу, Лидочка! Сиди за всеми новинками! Делай выписки ярых мест, держи меня в курсе дела!

— Хорошо, только...

— Никаких «только!» Обрати особое внимание на одофималцев-классиков... Изучи и тех и других! И тоже — выписочки дай мне!

— Но я не знаю, кого вым... уважаете в литературе, Николай Иванович.

— Если он не прощётьт урожай, а того... писателя уважалю. В общем я на тебя полагаю, Лидочка. Действуй!

Лидочка удивалась. Худякин погнулался, хрустнула шальминая, ажурная пантюрсу и скоро забыла неприятное происшествие потому, что вывод был сделан и моря приняты.

А за братом во мгле, в невеселом зале, И звенит и поёт укулеле.
 Не услышу я дальних и солнечных стран, Прелесть средь степей и грезин,
 Но в кошме мне приснится другой оазис, Он такой же великий и таинный.
 Гаснет розовый свет весенней чистоты, Улыбается пробой голубой цветы.
 И уже вновь мой радуетают цветы И, как пальмы, качаются намы-
 — Укулиле — это музыкальный инструмент? — спрашивает Васильев Степанович.
 Да, Ползаева.
 — Хорошие стихи. Из вас мог бы выйти настоящий поэт...
 — Если бы я меня что-нибудь было вперед! —
 — Хорошие стихи. Вас как будто не страшит смерть, а даже радуется. Твоя вина, колду. Ну что я, думаю, смерть от голода не всегда страшна.
 Человек простит тебе день в очереди на морозе, получит свои сто двадцать пять граммов хлеба и пойдет домой, на шестой этаж, в свою комнату. Дома он растопит сапог буржуику и сидит перед ней в кресле. Ему ставит тепло, он улыбается и задумывается.
 — Я хочу так сделать, так... — сказала Сенечкина... чтобы хоть сколько-нибудь захватил своего милого вышибан.

же вы шубы не надели? Вы так простудитесь. Напишите хоть мое пальто, оно там, в той комнате, у Куклы леопольд...
 Но Васильев Степанович уже влез в соседней комнате и закрыл за собою дверь. Сенечкина выскочила под одеялом. Розовые пятнашки под окладах пропали, возбуждение постепенно его, лицо побледнело. Он чувствовал себя слабым, уставшим.

Глава седьмая

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Библиотеку устроили в маленькой комнате рядом с санузлом, вход в санузл был на соседнем этаже, а в библиотеку — низенько. Люся начала с того, что вымыла пол, сняла с потолка паутину. Ей привнеси ковер, стол, шкафы, и места стало совсем мало; чтобы добраться до шкафа, нужно было боком пролезть между койкой и петкой. Но не телота смущала её, а то, что в комнате было темнo как в середине дня.
 Она открыла окно и вымыла стекла. И сейчас же комната наполнилась голубоватым зимним светом. За окном оказалась маленький дворик, заметенный снегом, без единой тропки. Занавески прутыя рванаты лежали в стесло. Шлища сидела на рамите, перенаривала за ветку на ветку, отряхивая инии и заглядывая в комнату одним глазом.
 Люсеньку Люся толкала жарко, и озорвало её только одно — книг почти не было. Комиссар Ермаков однажды выхватил его коммандировку и отправил её в город за книгами. Но всё откладываемый последок он так может быть, от того, что он же считал её ещё вполне молодой.
 А она между тем уже повзралаась. Там, по крайней мере, казалась ей самой. От болонии её осталось только какое-то странное пушистое облевание. Всё, что происходило вокруг, она видела словно во сне. Вот-то она проснется, ойнетсь и слова восторженно к той жизни, которая весь осевья была ей вкряпыват к ртытло околов, а потер брата, к беспомощным поискам того человека, с которым однажды ночью шла через картофельное поле, к тяжкой дороге по льду через Ладожское озеро.
 А вона она лила, как жалость, ни к чему не стремясь и почти механически выполняла несложные обязанности, которые выпалили ей на долю. Часто она не отвечала к ртытло околов, а потер брата, к беспомощным поискам того человека, с которым однажды ночью шла через картофельное поле, к тяжкой дороге по льду через Ладожское озеро.
 А вона она лила, как жалость, ни к чему не стремясь и почти механически выполняла несложные обязанности, которые выпалили ей на долю. Часто она не отвечала к ртытло околов, а потер брата, к беспомощным поискам того человека, с которым однажды ночью шла через картофельное поле, к тяжкой дороге по льду через Ладожское озеро.
 Однако при всей своей солидарности, при всё внутреннем своём сопереживании она не могла не заметить той особой привлекательности и ласковости, с которой обращалась здесь к ней все окружающие. В той ласковости было что-то своеобразное, что-то относящееся не к ней лично, а к тому, что она долго голодавшая девушка из

Ленинграда, который они защищают, и ещё, пожалуй, к тому, что слас её лёгкий Никритин.
 Она жила в этой галерее, а эти люди она неразрывно связана с ним и что, глядя на неё, они думают о нём. Он как бы заведял её, и в память о нем они старались обращаться с ней как с собой братьевене.
 Впрочем, как это могло до неё не сразу, и е людьми знакомился она востепенно. Первый лёгкий, с которым она познакомилась после своего демобилизации, был Кудрукин.
 Он занял её как раз утром, а сияний рагаэр полетел, и она упустилась, почему он не на аэродроме, но, конечно, не решилась спросить. Он похорошел и неуклюже стащил головку шлемка. Сенечкина поласяла расстрелянная шлемком, горчали во все стороны. Он вилро берёт некто, и курносое круглое выступило лицо его ей поправилось.
 Очень скоро он рассказывал ей всё: как его от- стравили от полетов и как теперь он каждое утро приходит на аэродром в надежде, что Раско- совыи свалится и прикатит ему сеть в самолёт, пометел ей Раскосова гавит за себя невзлюбивыми глазами, и он возвращается в деревню и весь день хлопается без дела, не зная, чем занять себя. Люся подыскивала его горо и пыладела его.
 А когда Люся заметила ко мне плавание... — сказала она ему велично.
 И он стал захватить к ней по несколько раз в день, сидел долго, колотил для неё дрова, топка конечно, помогал ей выбирать шитье.
 В эти первые дни служебные обязанности Люси сводились, в сущности, к возке с писмами. Все писания, адресованные в аэродром, поступа- ли переясом всегда в аэродром. Она же и тогда раскладывала у себя на столе в аэродроме по- рядке эти замусоленные треугольные со штемпельными двухмерной дальности, и по вечерам, а сумраком, после работы, за ними приходила лёг- чик, техники, мотористы. Писма законамил её с людьми.
 — Есть мне писемко? —
 — Нет, вам ещё пишут... — отвечала она.
 Большинство уходило с пустыми руками, по тем не менее за писмами каждый день залядилось все до одного человека. Одни выжидали сразу же, другие отлагались последств, поговорить, поглядеть на Люсю.
 Долгие часы в библиотеке задерживались Костин и Алексеев. Старший лейтенант Костин, вы- сомный ввиду того полковник, был очень си- рещ в своём личном комбинаже. Входил в библиотеку, он рстотеллн комбинаже — на чтение его батеел орден Красного знамени. С дачна войны он был уже дважды вранеским самолёт- Его звали Георгием, и в сенях перед библиотекой висел номер выпущенного Каряким «Боевое писма», в котором Костин был арисован вавиде Георгия Ползаева, вполномоченного командом «авиакерса» с драконецкой головой. Товарищ называла его Жою. Несмотря на свои двадцать четыре года, он сиянню лиелет и старательно зачесывал назад свои редкие, прямые, светлые волосы. У него были самодуренные, твёрдые серые глаза, и он поглядывал на Люсю приветливо и спо- койно.
 — Вы пишете? — спрашивал Люсю однажды.
 Люся рстерелась и не знала, что ответить. Когда-то, до войны, она танковала много и у- дачно. Но то время уже рстотеллнлось её танка- бесконечно далькина, и она сама, тогдашня, ка- залась себе совсем другой, посторонней девуш- кой. С тех пор она не только ни разу не танковала, но ни разу не вспоминала о танках и не видала, чтобы кто-нибудь танковал. А между тем Костин считал, вероятно, свой вопрос совершенно естественным; он прибавил, что у одного из техников закадрована есть пафочка с коронными пластинами и что не худо бы вылезть устроить танцы. Он даже разраб да повернулся, вылинури, и не только на свои меховые унты, сидела эта трагично.
 Если Алексеев, зайдя в библиотеку, заставал в ней Костина, он неизменно улыбался и гово- рил:
 — Ты здесь? Так, так.
 И от этих этал, так Люсе почему-то становил- ось не по себе.

Васильев Степанович дажно уже не сидел на кровати, а стоял возле двери, которая вела в соседнюю комнату. Это была немалая, холщовая комната, где он вынашевывали на ночь осон, потому что выгода не заглаживала она. Васильев Степанович интерпретивно нажимал дверьную ручку и, выислав, спешно спускался по лестнице.
 — Вы только чтобы около поморбешее гордон или овант поласете по карнизу на соседнюю крышу? — спрашивал Сенечкина.
 — Пожалуй, вылезу на карниз, — сказал Васильев Степанович. Вы ведь знаете, что для меня это — уделителле.
 — Угавалашое, как вы не боитесь! — восклицал Сенечкина. — Вера, едва вы вернулись, ачалась бойбюжа. Если бы вы задержались ещё на минутку, вас стрелюудили бы с карнизца врипятной вышки. Чистый случай. И вообще не понимаю, как вы не боитесь высоты. Я очень боюсь высоты. Смерти не боюсь, а высоты боюсь... Что

2
 Костин обычно рассказывал о боях с немецкими танками. Случай Костина, нужно было слышать за движением его красивых рук с диав-

миги, тонкими пальцами. Тот, кто не сделал бы из его рукими, не понял бы его расказа. Правой рукой он изображал свой самолёт, а левой «мессерингитт». С несоблаженной топорикой и выкладкой показывал ось движения самолёта противника и своего самолёта во время боя. Больше всего он любил мастерить, как качество, расчёт, и казалось, будто воздушной бой для него — нечто вроде игры на бильярде. Взмахнув рук показывал им, каким приёмом нужно подойти «мессерингитта» вниз, и деловито, и так, связав манер противника близостью к земле, звал его, как заставить «мессерингитта» показать бороду, чтобы ударить в него наверху; с помощью какой цепи веревочкой можно забить «мессерингитта» у себя из-под хвоста и звалт ему в хвост.

Он разбирает всех лётчиков эскадрильи, всех до одного, кроме Никитина. В присутствии Лёсы он никогда не говорил о Никитине, не упоминал его имени. И никто никогда не говорил о Никитине в присутствии Лёсы. И Лёса замечала это и чувствовала в этом проявление особой деликатности.

Чаще всего он рассказывал о лётчике Грачёве. Лётчик Грачёва больше не было в эскадрильи. Его равняли в начале сентября, месяца которого провалился он в одном из ленинградских госпиталей, потом его вывели куда-то на самолёте из осаждённого города, и никто о нём больше ничего не знала.

Во эскадрильи помнила о Грачёве. По полноте его говорили восточною. Грачёв с первых дней войны проявил в бою замечательное искусство, дрался так, как остальные научились драться только много спустя, ценою дорого стоевшего опыта. Утверждал, что даже сам Рассомин много свои тактические приёмы перенял у Грачёва. Когда говорили о какой-нибудь, особенно удачной, воздушной штурмовке, обычно прибавляли: — Так впервые штурмовал Грачёв, а после, на Западной Двине.

— Он был командир эскадрильи? — как-то спросил Рабукин.

— Да, — сказал Костин.
— И вы у него в эскадрильи?
— Был, — сказала Костин.
— А кто был стрелок? — спросил Рабукин.
Костин посмотрел на него, но не ответил, словно не расслышал. И Лёса догадалась, что стрелком в эскадрильи был Никитин.

Разговоры в библиотеке затанцевали из час, на час. Они стали входить в обычай. Лёсы в эти разговоры участия почти не принимала, но чувствовала, что если бы не было её, не было бы здесь и этих разговоров.

(Продолжение следует.)

Старинная русская песня

Вот мчится тройка почтовая по Волге-

мажущие земной
Язвиги, уляло пашека, качает буфий головою.
(2 раза)

О чьи задумался, дитина? — сиди привратило
перекладо, что в
Ах, на сердце кручина? Скажи, тебй кто
огорчал? (2 раза)

Ах, милый барин, добрый барин, уж скоро
год, как я люблю.

Да нехристь староста-татарин меня журит,

а в тереме! (2 раза)
..Ах, милый барин, скоро свитесь, а ей
не быть ужо моей!

Богатый убогал, да постылый, ей не видать
мешкаб дадей? (2 раза)
Язвиги эмрал, а кнут ремизный с голшней
на носе ватукаю.

«Годиме! Стой, неутомимый!» — сказала, сам
горестно вздохнула. (2 раза)

КНИГА, КОТОРАЯ ПАХНЕТ ПОРОХОМ*

Когда-то литература наша родила прекрасные образы лётчиков — Нестора в Пинема — объективных свидетелей «течения вре-

* Н. Тихонов «Ленинградский год». Ленинград. ИЗО, Ленинград. 1942.

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

1949. Подписано в печать 11-ИХ-43 г.

мён». Взлети от кипевшей жизни, а уединённый, клёбры и лалу пламя, лётчикским заносили на свой свиток жёлт современников — «да везают топикуми православных земли митиную судьбу».

Лётчикские мишек дити имеет мало общего с этим воплощением созерцания и раздумья.

По жизни, трещущему асему страстия великой борьбы городу, подобно одному из бесчисленных фогобитов, борющихся с недугом в крови живого существа, в дни трудностей и в дни побед торжественно ходит человек, гражданин, воин, писатель — Николай Тихонов. Как человек, он часто сообразает перед ужасами войны, которую видит на улицах Северной Пальмиры. Как гражданин, он воплощён в судьбу своей страны и гордится её победой, её мощью, простотой и страшной силой патриотизма, живущей в каждом из сограждан. Как воин, он идёт туда, куда его направляет приказ: на передовую линию и в госпиталь, на забытую спартакосную и а сквознякый лесным джиганем букажи дом — здесь его присутствие должно се-

годия, здесь мы и видим его. Как большой поэт и писатель, он, подобно губеке, шпашает в себе мирными сменяющиеся картин великой эпохи, те же черты, которые будут так трудно восстанавливать потом, через пять — десять лет.

Всё остаётся — всё его внимательно, всё замечает острый глаз художника. Солдатская аэра, которая приходит к олопопачам убитого мужа, чтобы стать на его место, а деураса, для которой «дистрофия» уже стала брачным словом; тигр из зоосада, сделавшийся вегетарианцем, и шпашный немец, ставший немезимурни гиусе тигра... — всё это черты славы эпохи, всё это возникает и прозодит перед нами. Всё это воплощается в словах мастера, которых уже не разрушить топором, но вымывшей разрывом снарядом, — в жизни, стратоем повествование о жизни великого города в великие дни.

Так родился книга «Ленинградский год».

Сейчас не времени заниматься томошностями литературного значения работы Тихонова. Книга читается просто и ясно, с тем

глубоким чувством, с которым читали мы дневник бесконечно долгого нам, близкого человека. Читая находившегося в смертельной опасности, перенесшего ужасный кризис и вот выходящего из него. Эта книга — дневник Ленинграда.

Но в то же время «Ленинградский год» написан прекраснейшим, благородным языком, достойным поэта-воина. Она излагает отлично — по-петербургски, по-ленинградски и украинскому В. Морозова. И должно удивляться этому, гордиться этим: мировая литература не знает прозаики такой силы, как наш прозаик В. Морозов. И не рождённый в страшной осаде не знает книги, которая писалась бы в буквальном смысле слова под огнём врага.

Потому книга Н. Тихонова есть не только свидетельство о жизнеутверждающей стойкости Ленинграда. Она сама её живая чашка. От её изысканий обложки, от её горючих страниц пахнет порохом, пахнет Ленинградом. Это документ эпохи, который будет жить долгие и долгие годы.

Л. Успенский

Зам. ответственного редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Вак. 2220. Тираж 30 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

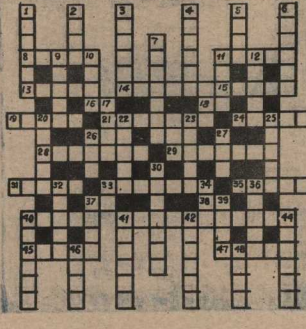

ГВАРДИИ СТАНИЧНИК

— Снимите фуражку, товарищ командир, тут лежат станичник Гвариников. Присядьте ближе к бортику. Присядьте, присядьте, как рука. И вот по какому случаю. Жили у него в хате три франца. Всех троих франци звали или один из них только был франц.—точно не знаю. А только эти францы на стороне, в станице, озорсали, а в хате — вет. Курей настреляют, нащиплют, в хате суп варят, едят, пивного — даже не забывают. Другой бы, может, так так, сторожкой, и прожил. Но наш Андрей Фомич был не таков. В партизаны пойти не смог, ноги не поскозились, да и на уши старик был слабый, а всё немцам подгадить хотел. И что ж он, как бы вам сказать, делал? Мыло у него сохранилось жидкое в чухале, полова собачья немца. Немцы, бывало, сварят суп с курей, он им ба-бах туда поддует жидкого мыла! Пахнет, по-совому бродит, иваните за вырваницу, блоку, ничего сообразить не могут. В молоко он им соли насыпал, в кашу — перцу. Сказать по правде, Андрей Фомич этим трем францам все ихнюю жизнь отравил. И вот, когда уже наши подходят к станице нахаль, немцы всполошились, суп сдобить бродил, за автоматом схватились, а в автомат глядят—несок. Тут-то и смекули, чьих это дело руч. Стация станица францы с трем, вывожди к порту, автома-та-то у них не работая, так они его по голове прикладом. Много ли девностолетнему старику надо?

Ах, похоронили его, товарищ командир, возле его собственной хаты. И ивадись сделали: как живьш, каждый молодой, как надо жить, и я думаю, им не сомблось, ежели приснится: «Тут лежат гвардии станичник Андрей Фомич Баранков, 89 лет».

Записано со слов неизвестного бойца И. Всеволожский

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 8. Приспособенье для забивки свай. 11. Сплошное орудие. 13. Место, где начинаются составы. 14. Город, одно из которого произошло первая встреча войск Петра со шведами. 15. Приспособенье для летнего отдуха. 16. Прозвище из Дагестана. 18. Офиц. 19. Длинная. 20. Дамасский. 24. Восток одного из родов воинов. 25. Часть здания. 29. Тип паровоза. 31. Азбучное выражение. 32. Профессия. 35. Приспособенье для утаивания являл. 37. Сорт шампанского. 38. Разум. 40. Продажи ломты. 41. Толщина. 43. Бувава греческого алфавита. 45. Тригонометрический символ. 47. Дювет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Огонь. 2. Автоматический прибор, служащий для управления автоматической стрельбой. 3. Часть шпичкового воста. 4. Автомобиль. 5. Спарга, из которого выделываются масла. 6. Замковое орудие. 7. Команда, служащая для обозначения порядка в гарнизоне. 9. Вышеупомянутое. 10. Военное подразделение. 11. Хищный млекопитающий. 12. Часть орудия. 17. Нога. 18. Нога. 20. Длинный. 22. Автоматическое судно. 23. Упрощенный чертёж. 25. Печенье. 26. Делать золотые части машин. 27. Пейзаж. 30. Предельная температура. 32. Музыкантский инструмент. 33. Нога. 34. Французский философ. 36. Часть шпички. 37. Растение. 39. Держание. 40. Союзники. 40. Расстояние. 41. Длинный внутренний ствол. 42. Иностранец XVII в. 44. Учреждение, где приготавливают лекарства. 48. Век. 48. Геометрическая фигура.

Отвты на кроссворд, помещенный в «Смесь № 13-14

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шпотор. 2. Рынок. 3. Мороз. 5. Кувач. 6. Фе. 10. Ага. 11. Вар. 12. Дот. 13. Ит. 15. Ит. 16. Амфино. 17. Из. 18. Цари. 20. Юне. 22. Марат. 23. Намат. 24. Мале. 25. Тарпо. 30. Агазо. 32. Бомба. 33. Орда. 34. Ла. 35. Ар. 36. Пше. 38. Ара. 39. Ха. 40. Рот. 41. Век. 42. Но. 44. Вак. 46. Ева. 47. Анис. 48. Астре. 49. Ара. 54. Анод. 56. Ядро. 57. Парал. 58. Урби.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Тот. 5. Коп. 6. Порт. 7. Флот. 9. Равнодейств. 14. Восточнее. 18. Сот. 21. Нигда. 22. Минюст. 26. Дарт. 27. Нена. 28. Ава. 29. Омам. 31. Соор. 34. Динаржем. 36. Шо. 37. Рк. 39. Парваж. 43. Иав. 45. Ова. 46. Ува. 47. Руля. 52. Нюко. 53. Рус. 55. Аик. 57. Нар. 59. Рот. 60. Урро. 61. Памор.

ОБ ЭТОМ СТОИТ ЗНАТЬ

ФУЛТОН И ЕГО ПАРХОД

Вязки, хвисти, т. е. тех туч, которые особенно должны были ему помочь в его изобретательской деятельности. Вообще страсть к знаниям резко отличала Фултона от многих тогдашних изобретателей. Чтобы достать средства для существования, Фултон зарисовывал серию картин, изображающих наполеоновские походы. Выставка этих картин принесла ему много денег, и Фултон начал опусты по постройке самоходного судна.

9 августа 1803 года — 140 лет назад— это паровое судно тридцати двух метров длины было готово и в первый раз проехал по реке Сене. Оно приводилось в движение паровой машиной, которая с помощью бесконечной цепи вращала колёса с лопастями.

На пароходе выкатывали паровода приплы посмотреть тысячи парижан. Почти все ученые Парижа были в тот день на берегах Сены, с интересом наблюдая за ездящим кораблем Фултона, который дигался против течения со скоростью четырёх километров в час.

Однако неудача попрежнему преследовала Фултона: Наполеон не только не заинтересовался генеральным изобретением, но отнёсся к Фултону, как к авантюристу и шарлатану.

Маршал Мармон в своих «Мемуарах», изданных в 1857 году, писал: «Американец Фултон предложил применить к мореплаванью паровую машину как наиболее могущественный из всех известных нам двигателей. Бона-

7 августа 1858 года впервые была передана телеграмма по трансатлантическому кабелю, соединившему телеграфной линией Старый и Новый Свет.

Этому событию предшествовала огромная работа многих учёных и инженеров. Были созданы специальные телеграфные аппараты, различные приборы, механизмы, не говоря уже о самом кабеле—огромном капате, который заменил телеграфную проволоку.

Прокладка кабеля потребовала обследования океанского дна, сооружения особых машин и измерителей. В результате появилась даже целая отрасль новой техники.

Эта прокладка явилась упорным и героическим делом. Спокойной работе мешали многие обстоятельства. То в течение долгих дней бушевала буря, то опускавшийся в море кабель едва не оборвал проплывавший мимо кит, то ледяная гора чуть не опрокинула судно экспедиции.

Наконец, кабель был опущен на дно. Но победа над океаном была недолгой. Через двадцать дней кабель лопнул. За это время по нему успели передать около четырёхсот телеграмм из 4359 слов. А затраты были сделаны миллионы. За прокладку нового кабеля пришлось только через несколько лет.

В наши дни уже десятки кабелей соединяют Европу с Америкой.

парт... отклонил предложение Фултона. Однако Фултон продолжал настаивать на дозволении ему сделать опыты и показать результаты того, что он выдумал своим изобретением. Наполеон считал Фултона шарлатаном и не хотел ничего слышать. Дважды и пытался разубедить Бонапарта, но безуспешно, невозможно и определить, что случилось бы, если бы только удалось изменить его взгляды. Фултона послали на добрый вечер Франции. Не послушавшись его голоса, Наполеон выпустил из рук свои счастье!

Американское правительство предложило Фултону переехать в Америку, обещая ему всеческое содействие. И Роберт Фултон с радостью покинул тогда негостеприимную Европу.

СУВОРОВ ЧЕЛОВЕК

Рассказы,
собранные Н. Марковичем
Рисунки В. Горяева

Молока, остра, весь преданный причумам,
То докней шут, то демон, то герой,
Суворов был необычайным чудом...

Лев в сражении — после битвы,
Дома, пестухом кричала, Байрон
И. П. Кашишников

За великим полководцем водились многие странности. Его считали большим чудком и оригиналом. Его загадочные поступки вызывали удивление и поражали окружающих. Это был «человек-порок».

гитри, как называл его однажды англичанин Канитон, человек-человек. И многие ломали себе голову, пытались разгадать загадочную натуру Суворова: «Зачем такому великому мужу показываться чудком?»

Один генерал, соратник великого полководца, хорошо знавший его в течение тридцати пяти лет, как-то ответил на это:

— Он решил быть единственным, ни на кого не походить. Для сего променял он прежде обширное поле истории, весь век свой увидев, с каким выдающим чином, слышит, твердит он биографии всех великих мужей, хвалит примеры их величия; но для славы своей прокладывает он новую, дотоле неизвестную тропу, своей славы прокладывает он новую, дотоле неизвестную тропу.

Кое-что из окружающих пробовал получить разъяснение от самого Суворова. Его алытант однажды спросил Александра Васильевича, чем объяснить его чудачества, что они означают.

— Ничего,— ответил Суворов.— Это мой манера. Слышал ли ты о славном комике Кравлене, он на парижском театре играл Арлекина, как будто рожден Арлекином, а за кулисами, в частной жизни, был пресерьезней и строгих правды человек. Ну, словом, Клатон!

И, чтобы кончить, очевидно, неприятный для него разговор, Суворов поспешно отослал алытанта к получившему.

В другой раз, много лет спустя, чтобы оделиться от назойливых притязаний своего приближенного, Суворов сказал:

— Вы хотите меня знать? Я сам себя раскрою: меня хвалили пари, любил women, друзья мои удивлялись, невинностию меня поносил, при дворе надо мною смеялись. Я бывал три шворе, но не притворным, а Эзопом. Авфентонном шутками и звериным видом говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был великом говорил России, криваясь я и корчился. Я не пугаю, пробуждая сонных, угоняю буйных врагов отечества. Если бы я был Цезарь, во стирала бы иметь великую гордость души его, но всегда нуждался бы его пороков,— и с умешной оной обратился к своему алытанту— Заними это для истории.

Князь Потёмкин беспрестанно добивался повести к Суворову на обед. Тот величаво отдалывался, но всё же ему пришлось пригласить светлейшего со всей его многочисленной свитой.

Суворов вылезал к себе искуснейшего метрдотеля Потёмкина — Матюне — и заказал ему великолепный обед, — ему жалел денег. А для себя отменно заказал своему повару Мишке приготовить для обычных блюд.

Обед удивил даже Потёмкина. Но сам Суворов, кроме своих двух блюд, под предлогом поста и нездоровья ни к чему не прикоснулся.

На другой день, когда метрдотель привёс ему счёт более чем на тысячу рублей, Суворов написала на нём: «Я ничего не ем» и отсрала к Потёмкину.

Тот запляткал и сказал:

— Дорого стоит мне Суворов!

Повар Мишка готовил Суворову на обед жи да кашу, иногда — холодное из солоних со сталеичником кашу да хреном.

Любил Суворов кушать сырую кисляку кашу с кислым репучу с солоних и конопляным маслом, при этом он приговаривал:

— Это русскому элюрово! Помилуй бог, как здорово!

Любил он кашу овсяную и гречневую, но когда уважались, Пронка говорил:

— Александр Васильевич, позволяте,— и протягивая руку за тарелкой.

— Ты сел, хочу, Пронка!— говорил Суворов

— Не приказано.

— Кто не приказал, Пронка?

— Фельдмаршал!

— О, фельдмаршал! Набожно слушайте! Помилуй бог, надобно!

— Суворов тогда Суворов и покори отдался шуту тарелку.

Александр Васильевич терпеть не мог зеркала. Из комнат, где он бывал, их выносил, а на балах, в угоду ему, их зашевелили простыми. Если же Суворов увидит невзрачное зеркало, тотчас отворачивал и во все прыть проскочит мимо, чтобы себя не увидеть в нём.

Однажды в Херсоне, по просьбе дам, он позволил поставить в дальней комнате малявское зеркало для «дам-кокеток».

После такого угощения дамы в ту комнату не заходили.

Нужно было поговорить знаменитый «Чортков мост» в Альпах. За это дело велись австрийцы. Они начали производить всевозможные измерения и расчёты, спорил между собой, а дело не двигалось. Между тем русские солдаты валились в бой, они горели желанием быстрее перейти ущелье и бить врага.

Суворов Суворов сил, выматывал солдат, знающих плотничье ремесло. Таких набралось более сотни. Они забрали у австрийских инструментов, и работа закончилась.

Скоро мост был готов. Австрийцы очень удивлялись мастерству и умению русских солдат быстро работать.

— Тут как ист тут,— говорили они русским.

Суворов щедро награждал строителей моста, говоря при этом:

— Русский на всё пригоиел! Помилуй бог, на всё, на всё; и бить врага и служить богу и царю. У других этого нет, а у нас есть всё!

30 октября 1794 года Суворов выступил в Варшаву. На другой день он посетил короля, а через два дня тот предупредил о своём ответном визите к Суворову. Александр Васильевич приказал дежурному генералу написать персоналия. В нём подробно упоминалось, как принимать короля, и, в частности, было сказано:

«Графике алытанты встретят его у карты, дежурный генерал — у лестницы, а графу должно встретить его перед приёмною комнатою».

Но как только король прибыл, Суворов бросил шапки и шляпы бросился к карте и уже стал было принимать короля полурки. Но, спохватившись, он обернулся к одному из своих генералов:

— Погодите, погодите! Вель по церемониалу не тут я должен принять его величество, — а потом, обращаясь уже к королю, произнёс: — Простите меня, я так почтито севиничью особу вашего величества, что и забвляю.

И, оставив удивленного короля, Александр Васильевич победил в дом. Дальше всё уже пошло, как сам предумотрено по церемониалу. Суворов в полной парадной форме встретил короля перед своей приёмной.

